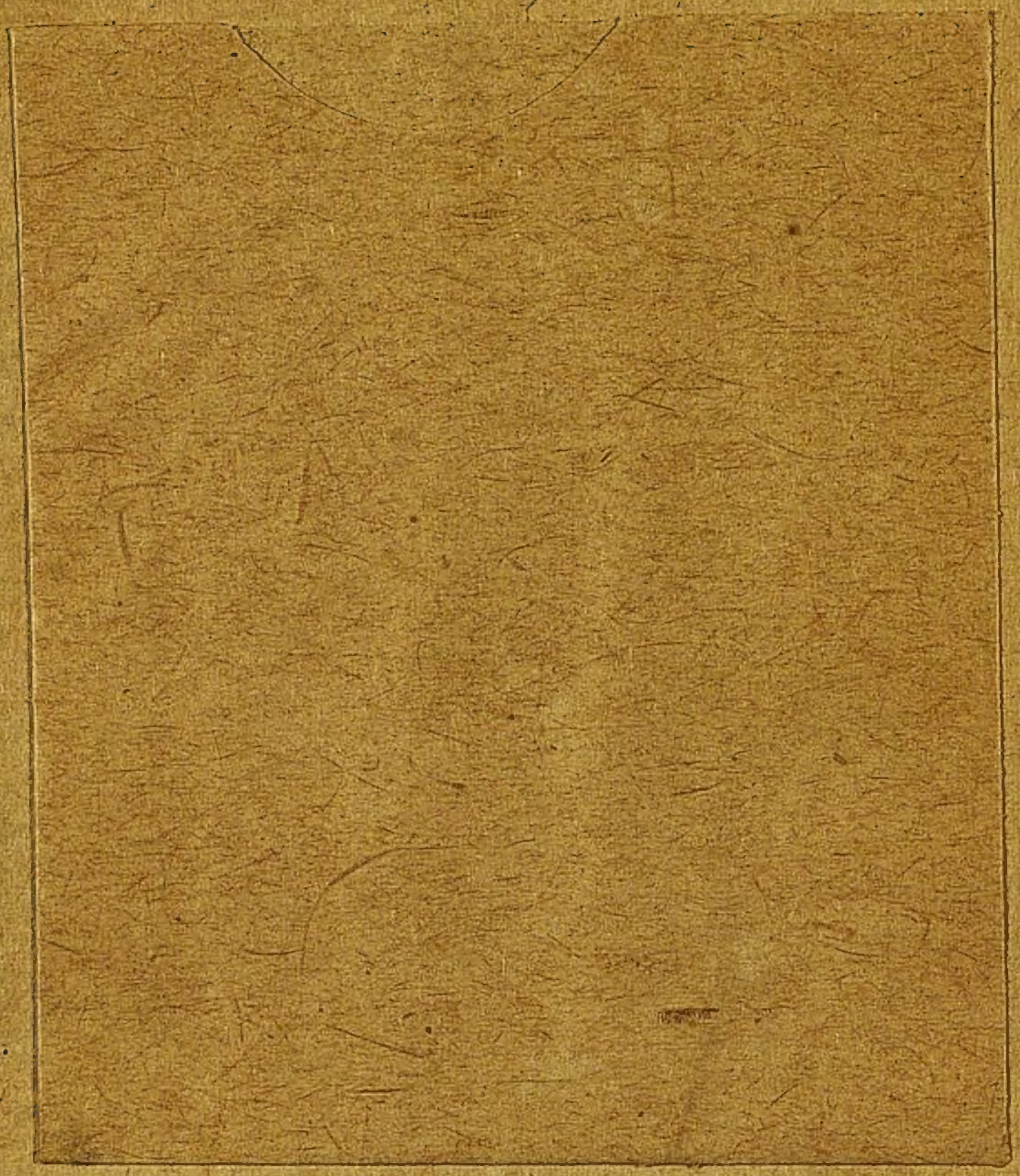
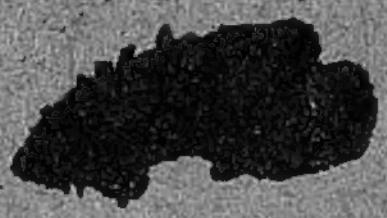
ДБ
400
П84

"Прошлое Порт-Артура"

СПб, 1908.





Э(47)
Д 11
П 84

Д—тъ.

Фундаментальная
Библиотека
К. У. Т. В.
ПОГАШЕНО

ПРОШЛОЕ ПОРТЪ-АРТУРА.

ВОСПОМИНАНІЯ
ДО ВОЙНЫ 1904 года.

ПОГАШЕНО

Проверено 1937 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. А. АРТЕМЬЕВА.
1908.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Гороховая 49

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
529221
V
М

Отъ автора.

Настоящая брошюрка не претендуетъ на сенсаціонныя разоблаченія. Авторъ ея, пережившій отъ начала до конца всѣ событія на Квантунѣ съ 1898 года, желалъ, по мѣрѣ возможности, возстановить въ памяти все то, что дѣлалось въ Портъ-Артурѣ до несчастной осады его, а также для полноты захватилъ періодъ до 1898 года.

Вполнѣ вѣроятно, что не все попало въ его поле зрѣнія, т. к. всего событія, съ размахомъ въ шесть лѣтъ, онъ охватить не могъ. Многаго авторъ не зналъ, иного не понималъ; быть можетъ, кое-что освѣтилъ и не такъ, но его искреннее желаніе было описывать правдиво.

Дальній Востокъ — наше больное мѣсто. Кто знаетъ, можетъ быть, не за горами то время, когда тамъ, за Ураломъ, разыграются новыя, еще болѣе ужасныя событія...

Разбуженный Японіей Китай, съ его реорганизованной по европейскому образцу ар-

міей, натравленный, а то и въ союзѣ съ первой, хлынетъ за предѣлы Небесной Имперіи, и тутъ именно намъ придется сдержать эту волну желтаго моря. Мы должны обратить особенное вниманіе на этотъ флангъ нашего обширнаго государства и должны помнить, что тамъ наши интересы находятся въ опасности. Мы должны пробудить сознаніе русскихъ людей въ необходимости для насъ Д. Востока какъ для нынѣшняго, такъ и для послѣдующихъ поколѣній, и поднять эту окраину не только въ военномъ отношеніи...

Самъ по себѣ дальне-восточный вопросъ слишкомъ огроменъ, и начало его ушло въ глубь прошедшихъ вѣковъ, а потому и брошюрка эта не пытается исчерпать его. Она—легкій штрихъ въ немъ. Она слегка набрасываетъ смутные контуры на то полотно, на которомъ потомъ появится сильная и сочная картина болѣе талантливаго, свѣдущаго и вдумчиваго работника слова, чѣмъ авторъ настоящаго труда.

Д—тъ.

1906 г. Сентября 10.

I.

По мирному договору отъ 15 марта 1898 г., китайское правительство уступило Россіи въ аренду южную оконечность Ляо-дунскаго полуострова (Квантунъ), и 16-го утромъ на сигнальной мачтѣ Золотой горы взвился рядомъ съ китайскимъ нашъ Андреевскій флагъ, какъ бы закрѣпляя собой тотъ кусокъ земли, которому суждено было принести впослѣдствіи столько горя и затратъ...

Съ поднятіемъ нашего флага создалась для Россіи эра новой колоніальной политики, къ которой она шла безъ малаго съ 1578 года въ поискахъ незамерзающаго порта. И вотъ наконецъ этотъ давно желанный мигъ наступилъ, и гулъ салюта стоящей эскадры разнесъ по всему міру начало новой русской жизни на далекой окраинѣ и новое проявленіе русской мощи. Отголоскомъ этого салюта явился крикъ печати, то умиленный, то гнѣвный вплоть до угрозъ...

Попробуемъ разобраться въ томъ, что писалось въ этотъ историческій для нашей родины годъ какъ въ русской прессѣ, такъ и въ прессѣ нашихъ зарубежныхъ друзей и недруговъ.

Въ оцѣнкѣ занятія Квантуна почти вся наша печать сходилась въ томъ, что этотъ шагъ являетъ собой очень удачную мирную побѣду, что важность этого пріобрѣтенія для Россіи слишкомъ очевидна, чтобы нуждаться въ поясненіяхъ; нѣкоторые органы печати видѣли въ этомъ приращеніи территоріи «новую побѣду Европы надъ Востокомъ» и мн. другое, что щекотало наше самолюбіе и рисовало воображенію заманчивыя перспективы. «Кто не ждетъ и не лелѣетъ въ мысляхъ той высокой исторической минуты, когда, прорѣзавъ обширныя пространства Сибири, переваливъ пограничные съ Китаемъ хребты, пройдя чудовищно колоссальный по разстоянію путь, русскій желѣзнодорожный поѣздъ тихо и плавно подойдетъ къ теплымъ водамъ китайско-японскихъ морей, къ незамерзающимъ портамъ?»—писалъ одинъ изъ нашихъ журналовъ. И надо сказать правду, что рядовой читатель весь отдавался этимъ мыслямъ и глубоко вѣрилъ, что Квантунъ для насъ это свалившаяся съ неба манна, что онъ сыграетъ роль доходной колоніи; и читатель, не зная точно, гдѣ этотъ Квантунъ, и что онъ изъ себя представляетъ, слѣпо вѣрилъ печати и вмѣстѣ съ ней радовался этому безкровному пріобрѣтенію. Быть можетъ, этотъ русскій восторгъ смутилъ англичанъ, т. к. въ ихъ статьяхъ слышится неудовольствіе. Такъ, консервативный «Contemporary Review» и прогрессивный «Tortnightly Review» обвиняютъ свое прави-

тельство въ ошибкахъ, слѣдствіемъ чего являются извѣстныя привилегіи Россіи въ Китаѣ. «Nineteenth Century» предостерегаетъ англичанъ противъ русской политики на Д. Востокѣ и обвиняетъ своихъ дипломатовъ въ недостаточной зоркости въ охраненіи своихъ интересовъ въ Китаѣ. «Times» заявляетъ, что «Россія своимъ поступкомъ (занятіе П.-Артура и Таліенвана) нарушила равновѣсіе европейскихъ державъ на Д. Востокѣ, что она (Россія) продолжаетъ начатое Германіей расчлененіе Китая; она наноситъ сильный ущербъ политическимъ и коммерческимъ интересамъ Англіи не только въ сѣверной, но и средней и южной части Небесной Имперіи, т. к., занимая Портъ-Артуръ, Россія пріобрѣтаетъ возможность оказывать безграничное давленіе на пекинское правительство и такимъ образомъ становится руководительницей дальнѣйшихъ судебъ Китая, тогда какъ до сихъ поръ главная роль принадлежала Англіи».

Но вопль этотъ никого не тронулъ. Черезъ нѣсколько дней тотъ же «Times» въ статьѣ «Дѣла Д. Востока» говоритъ, что «т. к. Россійская Имперія въ Азіи нуждалась въ выходахъ, то ей предстояло сдѣлать выборъ между двумя дорогами: черезъ Афганистанъ къ Индійскому океану въ обходъ Гималаевъ, или черезъ Маньчжурію къ Тихому океану. Избравъ послѣдній путь, Россія внесла значительное успокоеніе въ вопросъ о границахъ Индостана, и Англія поступитъ благоразумно,

принявъ это во вниманіе, т. к. это служитъ ей новой гарантіей безопасности ея индійскихъ владѣній».

Въ защиту нашихъ интересовъ выступилъ и извѣстный Стэдъ. Въ іюньской книжкѣ (за 1898 г.) «Contemporary Review» онъ доказывалъ, что поспѣшности Россіи въ занятіи П.-Артура и Таліенвана послужило сознаніе опасности со стороны Англіи, т. к. еще въ 1896 г. и затѣмъ въ началѣ 1898 г. Бальфуръ высказалъ, что онъ (Бальфуръ) «смотритъ безъ страха и безпокойства на полученіе Россіей свободнаго отъ льда выхода для ея торговли въ Тихомъ океанѣ, что онъ смотрѣлъ бы на такое пріобрѣтеніе, какъ на шагъ впередъ, сдѣланный въ этой далекой области». Но сэръ Клодъ Макдональдъ (англійскій посланникъ въ Пекинѣ) взялъ на себя трудъ исправить ошибку Бальфура и началъ тайные переговоры съ Китаемъ объ отдачѣ Англіи Таліенвана. Въ заключеніе Стэдъ считаетъ, что, хотя англичане и будутъ непріятно поражены новымъ оборотомъ дѣлъ на Д. Востокѣ, но что они получили только должное.

Пробовали англичане увѣрять, что «Ли-хун-чжанъ продалъ Китай Россіи за огромную взятку, полученную отъ русскаго правительства», писали, что «Китай извѣрился въ дружбѣ Россіи, единственная цѣль которой—подготовить себѣ путь къ поглощенію Небесной Имперіи, и признали своими истин-

ными друзьями безкорыстныхъ англичанъ» (Times).

Другія лондонскія газеты, поднявъ шумъ и обвиняя въ слабости британское правительство, требовали занятія какого-либо пункта въ Печилійскомъ заливѣ.

Такъ или иначе дѣйствовалъ трескъ подобныхъ статей на лондонское правительство, но въ результатѣ, оставивъ Россію владѣть Квантуномъ, Англія заняла совершенно ненужный ей Вей-хай-вей.

Ненужный говорю потому, что уже въ послѣдующіе года въ самой Англіи слышались голоса объ отдачѣ этого порта обратно Китаю.

Въ Парижѣ извѣстіе о подписаніи договора 15-го марта произвело сильное впечатлѣніе, тамъ онъ признавался, какъ «чрезвычайно важное событіе, имѣющее большое историческое значеніе». Въ «Journal des Débats» былъ помѣщенъ разговоръ съ японскимъ посланникомъ, который высказалъ, что японцы очень довольны занятіемъ Квантуна, т. к. сибирская ж. д. будетъ доведена почти до самой Маньчжуріи, при чемъ названная область и большая часть Азіатской Россіи окажутся открытыми также и для японской торговли. Приблизительно такое же мнѣніе высказалъ пишущему эти строки небезызвѣстный японскій писатель и публицистъ Озаки-Койо въ его бытность въ Японіи; но на ряду съ этимъ нельзя обойти молчаніемъ и того факта,

что отношеніе къ намъ японцевъ послѣ 1895 г. было достаточно скверное.

Мнѣніе по этому поводу Германіи, только что занявшей Кіао-Чао, можетъ быть формулировано извѣстной фразой старика Бисмарка о китайскомъ вопросѣ: «разъ начали это дѣло, то его должно съ усиліями какъ слѣдуетъ провести».

Примѣрно такого же взгляда держалось наше офиціозное «Новое Время», въ которомъ одна изъ статей заканчивалась: «поднятый 16-го марта флагъ требуетъ большой поддержки и большой силы».

«Развѣдчикъ» (1898 г., № 389) писалъ, что «Японія не проститъ Россіи Симоносекскаго договора и постарается воздать намъ сторицей за нарушеніе ея интересовъ и за ея униженіе на крайнемъ Востокѣ. Если это такъ, то никто не удивится, что, какъ только флотъ Японіи достигнетъ преобладанія надъ нашей тихо-океанской эскадрой, а сухопутныя войска до намѣченнаго уже размѣра (16-го марта 1896 г. императорскимъ указомъ была дана современная организація японской арміи, конечнымъ срокомъ для увеличенія которой назначенъ 1903 г.),—страна Восходящаго Солнца, въ удобный для нея политическій моментъ, не задумается объявить намъ войну съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ... Пусть вспомнятъ, чѣмъ заплатила Россія за пренебреженіе къ непріятелю въ Крымскую войну... и откажутся навсегда отъ хвастли-

выхъ словъ и нелѣпыхъ надеждъ—забросать непріятеля шапками».

Въ нашей печати указывались и способы, какъ охранить Квантунъ отъ посягательствъ противника, дабы можно было извлечь всѣ выгоды его занятія. Тотъ же «Развѣдчикъ» (1898 г., № 392) предлагалъ для защиты Артура: 1) создать укрѣпленія у Цзинь-Чжоу и прочно занять этотъ пунктъ, что дастъ возможность, въ случаѣ надобности, закрыть всѣ пути къ порту изъ Маньчжуріи; 2) возвести укрѣпленія у Таліенвана, что дастъ обезпеченное занятіе этой наиболѣе удобной гавани и не позволитъ противнику (если таковой когда-либо здѣсь появится), высадившемуся въ бухтѣ, обойти Цзинь-Чжоу, и 3) создать сухопутную линію укрѣпленій непосредственно у самаго Портъ-Артура, на сѣверномъ пунктѣ.

Были и такіе голоса, которые, отдавая должное нашей дипломатіи въ данномъ дѣлѣ, все-таки не раздѣляли чрезмѣрныхъ ожиданій отъ нашего натиска на Востокъ, настаивая, что важнѣйшіе наши интересы у себя дома («Русская Мысль», 1898 г., апрѣль).

Суммируя все сказанное въ печати непосредственно послѣ акта 15-го марта, можно сказать, что русская печать, за малымъ исключеніемъ, привѣтствовала занятіе Квантуна и ждала многихъ выгодъ какъ въ экономическомъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ. За границей же нѣкоторыя державы (Франція, Германія) сразу, другія (Англія) немного

спустя пришли къ тому заключенію, что для Россіи портъ нуженъ, и принуждены были сосчитать вопросъ исчерпаннымъ.

Остались только два государства, это Японія и Китай, которыя не сказали еще своего слова. Къ нимъ теперь и обратимся.

Китай—великій молчальникъ, и выжать отъ него мнѣніе очень трудно.

Что думаетъ этотъ 400 - милліонный старецъ-народъ, узнать почти невозможно, и его солидарность или несогласіе съ Пекиномъ выражается только болѣе или менѣе бурной вспышкой народнаго гнѣва. По первому взгляду можетъ показаться, что ему все равно, кто явится хозяиномъ той округи, гдѣ живетъ онъ, но это только такъ кажется...

Китайскому народу не все равно, владѣетъ ли имъ японецъ, китаецъ, манчжуръ, или русскій, и отвѣтить прямо, какъ отнесется Китай къ переходу Квантуна въ русскую аренду, представляется довольно затруднительнымъ. Пекинское правительство можетъ рѣшать этотъ вопросъ, какъ ему заблагоразсудится, но народъ очень часто держится иного, только для себя, мнѣнія, съ которымъ не лѣзетъ къ первому встрѣчному. И если пословица о томъ, что, чтобы узнать человѣка, надо съѣсть съ нимъ три пуда соли, вѣрна, то она болѣе всего подходитъ къ китайцу. Но тѣмъ не менѣе кое-что узнать можно. Такъ въ газетѣ «Го-вэнь-бао» есть общее указаніе на то, какъ смотритъ часть прогрессивной китайской

молодежи на европейское вмѣшательство въ ихъ дѣла.

Авторъ съ грустью смотритъ на расчлененіе Китая Германіей, Англіей и Россіей и считаетъ, что проблематическая защита Россіей интересовъ Китая ведетъ только къ упадку послѣдняго, т. к. «онъ (Китай) получитъ возможность влачить свои недолгіе дни, предаваясь забавамъ и удовольствіямъ»; авторъ даже намекаетъ на возвратъ земель войной, т. к. мирнымъ путемъ ни Цзяо чжоуская бухта, ни Артуръ съ Таліенваномъ, ни Вейхай-вей не будутъ возвращены Китаю. «Во всякомъ случаѣ, лучше погибнуть, оказывая сопротивленіе, чѣмъ пассивно ожидать, пока васъ истребятъ; кромѣ того, вопросъ о побѣдѣ еще и сомнителенъ для иностранцевъ». Далѣе авторъ высказываетъ желаніе, чтобы китайскіе государственные люди «немедленно принялись за отысканіе средствъ къ самосохраненію... только пылкіе энтузіасты, поборники правды и глубокіе патріоты, при видѣ грозной опасности, будутъ знать, какъ имъ поступить»...

Китаецъ Лян-ци-чао въ недавно выпущенной имъ книгѣ «Ли хун-чжанъ» такъ говоритъ объ отдачѣ Квантуна Россіи: «одинъ фактъ проложенія русской ж. д. по нашей территоріи означаетъ окончательную потерю для насъ той мѣстности, откуда дано счастье основателю нынѣшней династіи, и даетъ толчокъ всѣмъ державамъ къ ревнивымъ спорамъ

и жаднымъ захватамъ. Увы! дотронься до волоска, и заколеблется все тѣло... Собери желѣзо изъ девяти округовъ и выкуй одинъ громадный іероглифъ «ошибка!»...

Въ письмѣ маркизу Ито въ 1895 году Ли-хун-чжанъ писалъ: «...захватомъ территоріи къ югу отъ Мукдена Японія нанесла бы ужасный ударъ національному самолюбію народа, въ сердце котораго съ этихъ поръ запала бы навсегда мысль объ отмщеніи, и занятіемъ или незанятіемъ этой земли опредѣлится, будутъ ли взаимныя отношенія двухъ націй мирнаго или враждебнаго характера»...

Письмо это было написано всего за три года до 1898 года, и врядъ ли китайскій канцлеръ измѣнилъ свое мнѣніе относительно Россіи.

Бесѣдуя неоднократно съ китайцами и касаясь частенько Ли-хун-чжана, какъ государственнаго человѣка, я поражался отрицательнымъ къ нему отношеніемъ моихъ собесѣдниковъ. Странно то, что то же самое я слышалъ и въ Тянь-цзынѣ, и въ П.-Артурѣ, и въ глухихъ уголкахъ Маньчжуріи. Не было ли въ этомъ приговорѣ порицанія маститому старцу за отдачу части Китая? Кто знаетъ?

Китаецъ видѣлъ, что всюду, куда бы ни пришелъ европеецъ, этотъ послѣдній обогащался за его счетъ и, ставя китайца часто на положеніе худшее, чѣмъ таковое же домашняго животнаго, говорилъ громкія фразы о какой-то братской любви народовъ и какомъ-то для него незнакомомъ прогрессѣ...

И потому съ достаточной достовѣрностью можно сказать, что китайскій народъ не одобрилъ своего правительства въ арендной отдачѣ своихъ земель европейцамъ.

Японцы, тѣ высказались болѣе откровенно. Симоносекскій договоръ былъ у всѣхъ въ памяти. Равно всѣмъ памятенъ былъ декретъ японскаго правительства отъ 1-го мая 1895 г., по случаю отдачи Ляо-дунскаго полуострова обратно Китаю. Микадо говорилъ, что, слѣдуя совѣтамъ дружественныхъ державъ и отдавая Ляо-дунъ Китаю, онъ не омрачаетъ славы и достоинства Имперіи...«наши вѣрноподданные! проникнитесь нашимъ намѣреніемъ! Остерегитесь узости взглядовъ на общее положеніе вещей! Не дайте увлечь себя»!..

И если мѣсяцъ спустя послѣ опубликованія этого декрета генералъ Ямаджи на одномъ официальномъ банкетѣ высказалъ, что «Симоносекскій миръ—это еще вовсе не миръ, это только военное затишье»; если еще черезъ мѣсяцъ либеральная партія однимъ изъ § своей политической программы постановила «считать отторженіе Ляо-дуна прискорбнымъ фактомъ»; если въ день обнародованія декрета, ради спокойствія страны, правительству пришлось закрыть до 20-ти вліятельныхъ газетъ,—то мы и сами будемъ недалеки отъ истины, если отвѣтимъ, какъ японцы могли отнестись къ занятію русскими Квантуна...

И напрасно потомъ токійскія газеты писали, что мысль о реваншѣ слѣдуетъ бросить,

напрасно приводили въ примѣръ Германію и Францію, напрасно старались увлечь умы въ сторону экономически-мирнаго развитія страны... Народъ въ Японіи былъ бѣденъ, подчасъ нищенски бѣденъ; быть можетъ, понятіе о реваншѣ и не такъ складывалось въ хитрыхъ мозгахъ японцевъ, но не напрасно говорилось потомъ въ Артурѣ, что занятіе вновь этой крѣпости для японцевъ есть вопросъ не столько насущный самъ по себѣ, сколько является вопросомъ національной гордости. И пусть японскій дипломатъ въ Парижѣ говорилъ, что ему заблагоразсудится, но Японія ни минуту не забывала о реваншѣ и всѣ свои силы напрягала, поставивъ своею цѣлью войну опредѣленную, съ опредѣленнымъ противникомъ—Россіей...

Вопросъ этотъ все крѣпъ и выросъ наконецъ до того, что само существованіе маленькаго островного государства было поставлено на карту. Проигрышъ тутъ стоилъ жизни не сотнѣ и не тысячѣ человѣкъ, а всему государству.

Занятіе русскими П.-Артура съ Таліенваномъ сдѣлало то, что Японія стала искать сближенія съ Китаемъ; такъ, «въ Китаѣ—по словамъ одного изъ лицъ, заслуживающихъ вниманія *)—растянулась сѣть учрежденій спеціальнаго японскаго общества «улучшенія

---

*) Возникновеніе русско-японской войны. «Русскія Вѣдомости». Ст. А. Гурьева. 1905 г.

испорченныхъ войной отношеній между Китаемъ и Японіей»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ нашего посланника въ Японіи барона Розена, появленіе въ 1897 году нашихъ судовъ у П.-Артура послужило въ Японіи началомъ для приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ *). По поводу занятія П.-Артура министръ финансовъ Витте писалъ: «неумолимое стеченіе обстоятельствъ сбило насъ, вопреки нашему желанію, съ испытаннаго историческаго пути дружественныхъ отношеній съ Китаемъ. Возобновятся ли прежнія отношенія это вопросъ будущаго» **).

Было надъ чѣмъ призадуматься.

Нѣтъ, положительно и японцы были противъ нашего обладанія Квантуномъ.

Такимъ образомъ, занявъ часть Маньчжуріи, мы имѣли сомнительныхъ друзей за десятки тысячъ верстъ отъ новой колоніи, въ ней же и около нея насъ окружали враги и тайные и явные.

А много ли сдѣлали мы, чтобы обратить враговъ въ друзей?

Конечно, Россія отлично понимала и видѣла своихъ враговъ, и, казалось бы, что упоминанія печати о томъ, что, разъ мы подняли флагъ на Д. Востокѣ, то должны его сильно поддерживать, указывали на то, что и мы далеки были отъ мысли, что это безкровное

*) Тамъ же.
**) Тамъ же.
Д-ть. Прошлое Портъ-Артура.

ПОГАШЕНО
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Б 29221
Фундаментальная Библиотека М. У. Т. В.
ПОГАШЕНО

пріобрѣтеніе дастся намъ легко. Вопросъ, казалось, обстоялъ такъ: или мы завершили актомъ 15-го марта то, къ чему вѣками подходили—къ теплому морю, и вѣрили сами въ то, что этотъ подходъ вызывался насущной необходимостью, т. е. что для этого мы готовы принести извѣстныя жертвы; или же путь историческій былъ ложенъ, и теперь только мы завершили то, къ чему насъ привела естественная сила вещей, т. е. теперь мы должны только кое-какъ охранить наше новое владѣніе, отъ котораго въ силу извѣстнаго престижа отказаться не можемъ.

Первое положеніе исключало разговоръ экономическаго характера, и требованіе стать твердой ногой въ Печилійскомъ заливѣ не должно было задержать притока туда рускаго золота для осуществленія этого твердаго стоянія. Второе же позволяло и игнорировать нужды новой области и во всякомъ случаѣ допускало урѣзываніе тѣхъ насущныхъ требованій, которыя являлись необходимыми.

Трудно сказать, какого положенія мы держались, т. к. послѣдующія событія иногда указывали и на то и на другое. Такъ, отказывая по финансовымъ и инымъ соображеніямъ въ ассигнованіи нужныхъ денегъ на укрѣпленія П.-Артура, мы большую сумму сейчасъ же давали на постройку Дальняго. Не ставъ еще твердо у океана, мы уже закладывали новый, богатѣйшій городъ. Къ началу же кампаніи мы, опуская тѣ же финан-

совыя соображенія, открыли неограниченный кредитъ на укрѣпленіе крѣпости, при чемъ ясно, что пришлось за все перешлачивать. Такъ, кинчжоускія инженерныя работы, начатыя послѣ объявленія войны, обошлись въ 60.000 руб., тогда какъ эти же работы, по заявленію производившаго ихъ инженера, обошлись бы въ мирное время не болѣе 25.000 руб. и были бы выполнены лучше.

Къ сожалѣнію, у насъ не было какого-либо твердаго сознанія въ политикѣ вновь занятаго края, и за это мы заплатили потомъ слишкомъ дорого, главнымъ образомъ роковымъ исходомъ того кропотливаго труда многихъ русскихъ людей, которые медленно, шагъ за шагомъ, пользуясь различнаго рода событіями, отвоевывали Россіи путь къ свободному морю.

И тогда, когда послѣ трехсотлѣтней упорной работы мы пришли къ этому морю, гордые сознаніемъ исполненной задачи, мы, потерявъ людей, престижъ и деньги, должны были отступить, уступивъ д.-восточную миссію другому народу, политически правильная жизнь котораго началась едва 30 лѣтъ тому назадъ.

Вотъ въ чемъ, по моему, главный драматизмъ нашего теперешняго положенія. И хочется вѣрить, что не все еще потеряно для насъ тамъ, хочется думать, что явятся истинно честные люди, полные ума и твердой воли, которые исправятъ промахи и выведутъ наши

д.-восточныя дѣла снова на широкую дорогу и, детально разобравъ все, касающееся этого Востока, отбросятъ смѣло много ненужнаго и, исправивъ старое, обветшалое, создадутъ новыя условія—и русскій орелъ, вновь полный силъ, высоко подымется.

Попробуемъ же передать, насколько возможно, всѣ перипетіи того клочка земли, на которомъ, по словамъ одного католическаго монаха, былъ адъ, и попытаемся извлечь то, что можетъ намъ пригодиться.

На свѣтѣ ничего не пропадаетъ безслѣдно, и, конечно, не пропадутъ и тѣ уроки, за которые мы заплатили потомъ достаточно хорошо.

II.

Послѣ разгрома въ 1860 г. китайской арміи союзными войсками Франціи и Англіи и заключенія мира въ столицѣ государства, Китай рѣшилъ реорганизовать свои сухопутныя и морскія силы. Прежде всего было рѣшено защитить столицу — Пекинъ, и для этого по рѣкѣ Пейхо и Бейтанхэ былъ созданъ рядъ укрѣпленій. Кромѣ того, чжилійскій вице-король Ли-хун-чжанъ намѣтилъ южную оконечность Ляодунскаго и сѣверную Шандунскаго полуострововъ, какъ пункты передовой обороны, запирающей входъ въ Печилійскій заливъ. Есть предположенія, что подобная

мысль зародилась въ умѣ у состоящаго при вице-королѣ Чжили германскаго инженернаго поручика Ганнекена. Такъ или иначе, но рыбачья деревушка съ бухтой Люй-шунь-коу въ началѣ 80-хъ годовъ привлекла особенное вниманіе Ли-хун-чжана, и тутъ начались строиться крѣпость и портъ, болѣе извѣстные въ печати подъ именемъ Портъ-Артура (такъ названные крейсировавшей и зимовавшей здѣсь въ половинѣ прошлаго столѣтія англійской эскадрой). Ганнекенъ руководилъ инженерными и артиллерійскими работами по устройству обороны крѣпости; оборудованіе же порта, сооруженіе искусственнаго бассейна для укрытаго помѣщенія флота, равно проведеніе водопровода и установку машинъ въ портовыхъ мастерскихъ взялъ на себя тяньцзинскій французскій синдикатъ. Кромѣ того, въ 1883 году прусскому полковнику Рейнгольду Вагнеру китайскимъ посломъ въ Берлинѣ было предложено составить планъ обороны восточнаго побережья Китая. Вагнеръ, не выѣзжая изъ Берлина и пользуясь только картами и указаніями китайскаго посланника Ли-фонгъ-пао, а также данными, имѣющимися въ европейской литературѣ, составилъ двѣ записки, которыя въ общемъ не имѣли никакого результата, если не считать перевода ихъ на китайскій языкъ. Въ нихъ авторъ указывалъ на необходимость устройства военныхъ портовъ въ П.-Артурѣ, Вей-хай-веѣ и Кіао-чао.

Вагнеръ, между прочимъ, указывалъ на

неудобство одного выхода изъ Портъ-Артура и на малую глубину его.

Говоря о сухопутной оборонѣ послѣдняго, онъ отмѣтилъ большое количество бухточекъ, удобныхъ для высадки, по обѣимъ сторонамъ Ляодунскаго побережья во главѣ съ огромной бухтой Таліенванъ, служившей стоянкой части экспедиціоннаго флота (до ста кораблей) въ 1860 году.

Мнѣніе Вагнера интересно въ томъ отношеніи, что оно указываетъ какъ бы на неполное довѣріе къ Ли-хун-чжану, и въ предложеніи берлинскаго посланника можно усмотрѣть нѣкоторый контроль надъ широкими замыслами печилійскаго вице-короля.

Работы, тѣмъ не менѣе, не прекращались, и ежедневно до 4000 кули были заняты надъ созданіемъ новой печилійской твердыни. Условія работъ, по словамъ очевидцевъ, были самыя неблагопріятныя: огромный наплывъ рабочихъ поставилъ послѣднихъ въ крайне тяжелое положеніе, т. к. сама по себѣ ближайшая округа Люй-шунь-коу не могла прокормить своими силами эту армію кули, и поэтому пришлось еще налаживать подвозъ пищевыхъ продуктовъ; кромѣ того, не хватало питьевой воды; и въ заключеніе всего появилась холера, уносившая массу жертвъ, чему способствовалъ китайскій обычай вывозить своихъ умершихъ для погребенія на мѣста родины. Французскій синдикатъ, идя навстрѣчу насущнымъ потребностямъ своихъ рабочихъ, между прочимъ очи-

стилъ источники Лунъ-янъ'а (Драконовый Глазъ) у деревни Палиджуанъ, къ сѣверу отъ Портъ-Артура. и устроилъ бассейнъ, откуда пустилъ самотекомъ по трубамъ воду въ городъ. Этотъ водопроводъ оставался и впослѣдствіи единственнымъ, откуда получалась наилучшая питьевая вода.

Черезъ 12 лѣтъ, къ 1892 году, крѣпость и портъ были закончены вчернѣ, и Китай, затративъ на это сооруженіе до 80 милліоновъ, получилъ лучшій портъ имперіи.

Въ общемъ сдѣлано было слѣдующее: выкопанъ восточный бассейнъ, размѣрами 250 на 150 саженъ, глубиною до 4,5 сж., облицованный чифускимъ гранитомъ; вокругъ этого бассейна расположились мастерскія и иныя необходимыя портовыя сооруженія; въ восточный же бассейнъ выходили два дока, одинъ—длиною въ 382 и шириною въ 80 футъ. при глубинѣ 26′ и ширинѣ воротъ 70′, для большихъ судовъ китайской эскадры; другой—малый, для миноносокъ. Мастерскія — чугунно-литейная, котельная, слесарная, кузнечная, столярная, токарная, парусная и тросовая — были снабжены новѣйшими станками и машинами, дающими возможность производить любую починку судовъ.

На сѣверной сторонѣ набережной былъ поставленъ большой подъемный кранъ, а въ бухтѣ имѣлось до девяти бочекъ на мертвыхъ якоряхъ.

По порту былъ проложенъ рельсовый путь съ поворотными кругами и вѣтками въ склады

и мастерскія. Портъ и мастерскія освѣщались электричествомъ.

Этимъ исчерпывалась дѣятельность въ Портъ-Артурѣ французскаго синдиката.

Дѣятельность же инженера Ганнекена обнимала собой оборудованіе Портъ-Артура, какъ крѣпости. По мѣстнымъ и инымъ условіямъ, создаваемая крѣпость должна была имѣть и береговую и сухопутную оборону.

Фронтъ береговой обороны правымъ флангомъ упирался въ перешеекъ Тигроваго полуострова, лѣвымъ—около бухты рѣчки Тахэ, въ грядѣ такъ называемыхъ (русскими) Крестовыхъ горъ. Этотъ фронтъ входомъ въ портъ дѣлился на двѣ части—восточную и западную.

Восточная часть имѣла три форта, именно: 1) Хуан-ци-шань (японскій—О-гон-занъ, русскій Золотая гора), вооруженный:

тремя	24 см.	пушками
двумя	12 см.	»
двумя	8 см.	»

Отъ этого форта отходили двѣ батареи съ вооруженіемъ:

двумя	15 см.	пушками
шестью	15 см.	мортирами

2) Ляо-мучао (японское — Мо-зю-сіо; русское—Плоскій мысъ), вооруженный:

двумя	21 см.	пушками
двумя	15 см.	»
четырьмя	8 см.	»

3) Лао-луй-цуй (японское—Ро-цу-си; русское—Крестовая) съ вооруженіемъ:

четырьмя . . . . . 24 см. пушками
одной . . . . . 21 см. »
четырьмя . . . . . 12 см. »

Западный участокъ фронта состоялъ изъ пяти береговыхъ фортовъ:

1) На Тигровомъ Хвостѣ — Ляо-хуай-вэй (японское—Ро-цу-си; русское — Кинжальная); этотъ фортъ былъ вооруженъ

двумя . . . . . 21 см. пушками.

Остальные форты шли по горамъ Тигроваго полуострова, изъ нихъ:

2) Фортъ Вэй-юань (японское — И-іенъ; русское — Артиллерійская) имѣлъ на вооруженіи:

двѣ . . . . . 15 см. пушки.

3) Фортъ Ман-цзы-инъ (японское — Ханзи-ей, русское—№ 9):

четыре . . . . . 15 см. пушки

4) Фортъ Ман-тоу-шань (японское — Манто-занъ, русское—№ 8) съ вооруженіемъ:

трехъ . . . . . 24 см. пушекъ
одной . . . . . 15 см. »
четырехъ . . . . . 12 см. »
шести . . . . . 8 см. »

5) Фортъ Бэй-шань (японское—Зіото-занъ; русское—№ 2), вооруженный:

двумя	12 см.	пушками
шестью	8 см.	»

Слѣдовательно, всего на вооруженіи фортовъ берегового фронта имѣлось орудій:

24 см.	пушекъ	10	
21 см.	»	5	
15 см.	»	11	
12 см.	»	12	
8 см.	»	18	
15 см.	мортиръ	6	
	итого	62	орудія.

Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ калибровъ, на вооруженіе фортовъ были приданы различныхъ системъ картечницы.

Всѣ орудія берегового фронта были стальныя, заряжаемыя съ казны, системы Круппа.

Боевой комплектъ къ нимъ къ веснѣ 1894 года исчислялся количествомъ отъ 250 до 300 выстрѣловъ на орудіе.

Всѣ форты были долговременной профили, съ большимъ количествомъ казематированныхъ помѣщеній какъ для людей, такъ и боевого комплекта.

Матеріаломъ для постройки фортовъ главнымъ образомъ служила земля и камень, и только кое-гдѣ верхній слой земли брустверовъ и откосовъ былъ смазанъ тонкимъ слоемъ

сквернаго бетона. Установка орудій была на бетонныхъ основаніяхъ, и нѣкоторые форты имѣли круговой обстрѣлъ.

Почти всѣ батареи помѣщались на вершинахъ горъ, при чемъ значительное превышеніе послѣднихъ надъ уровнемъ моря *) создавало огромныя мертвыя пространства.

Тѣмъ не менѣе, атака крѣпости въ лобъ съ моря врядъ ли могла имѣть успѣхъ; и слабость Люй-шунь-коу, сознанная и строителемъ ея, заключалась въ возможной высадкѣ десанта въ одной изъ бухтъ и ударѣ на крѣпость съ тыла.

Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ высадки для операцій подъ Портъ-Артуромъ представляла бухта Таліенвана, поэтому фонъ-Ганнекенъ возвелъ и тамъ нѣсколько (шесть) фортовъ, что для огромной бухты, въ 10 верстъ шириною и до 15 верстъ длиною, представлялось слишкомъ слабой защитой для противодѣйствія возможной высадкѣ.

Удобныя же естественныя позиціи между Таліенваномъ и П.-Артуромъ укрѣплены не были, такъ какъ строитель крѣпости оборону тыла послѣдней перенесъ только на рядъ холмовъ къ сѣверу отъ П.-Артура. По линіи этихъ холмовъ и пошла сухопутная оборона крѣпости.

---

*) Высота надъ уровнемъ моря Золотой горы до 459 футъ, батарей Тигроваго полуострова отъ 350 до 584 футъ, Крестовой до 425 футъ.

Подобно береговымъ укрѣпленіямъ, сухопутная оборона проходящей главной дорогой — Мандаринской—дѣлилась на восточную и западную.

Восточная (по-японски Эрр-лун-санъ), правымъ флангомъ почти упирающаяся въ бухту р. Тахэ и лѣвымъ въ Мандаринскую дорогу, заключала въ себѣ девять редутовъ и батарей съ различнымъ вооруженіемъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ:

№ 1 (русское—фортъ № 1), вооруженіе:

двѣ . . . . 9 см. пушки
двѣ . . . . . 7 см. » горныхъ

№ 2 (русское—«Литера А»):

три . . . . четырехствольныя Гатлинга

№ 3 (русское—укрѣпленіе № 2):

двѣ . . . . четырехствольныя Гатлинга
одна . . . . 7 см. пушка

№ 4 (русское—«Литера Б»):

двѣ . . . . десятиствольныя Гатлинга
двѣ . . . . . 12 см. пушки

№ 5 (русское—фортъ № 2):

двѣ . . . . десятиствольныя Гатлинга
три . . . . . 7 см. пушки

№ 6 (русское—редутъ № 1):

двѣ . . . 12 см. нарѣзн. съ дула заряжаемыя пушки
одна . . . 8 см. » » » »
три . . . 8 см. заряжаемыя съ казны пушки
одна . . . десятиствольная Гатлинга

№ 7 (русское—редутъ № 2):

одна . . . . десятиствольная Гатлинга
одна . . . . четырехствольная »
одна . . . . 8 см. пушка

№ 8 (японское-Ни-рю-занъ,—русское фортъ № 3):

двѣ . . 12 см. пушки въ 20 калибровъ
одна . . 12 см. » въ 25 »
одна . . четырехствольная Гатлинга
одна . . 8 см. пушка

№ 9 (русское—укрѣпленіе № 3):

двѣ . . ? мортиры
одна . . 8 см. пушка
одна . . 8 см. пушка, снятая съ эскадры
одна . . 12 см. » » » »
одна . . четырехствольная Гатлинга
одна . . 12 фнт. пушка

Западная часть сухопутной обороны занимала горную группу, названную японцами «И-су-занъ», и вмѣщала въ себѣ три батареи со слѣдующимъ вооруженіемъ:

Батарея № 1 (русское—Зубчатая):

двѣ . . . . . ? мортиры
одна . . . . . 12 см. пушка

№ 2 (русское—Саперная):

двѣ . . . . . 12 см. пушки
двѣ . . . . . $7^1/_2$ см. »

№ 3 (русское—Барбетная):

двѣ . . . . 8 см. пушки
одна . . . . четырехствольная Гатлинга

Всего на вооруженіи сухопутнаго фронта имѣлось:

12 см. заряжаемыхъ	съ дула . .	2	Армстронга
12 см. »	» казны . .	9	Армстронга
9 см. »	» » . .	2	
8 см. »	съ дула . .	1	
7½ см. »	съ казны . .	2	
7 см. горныхъ	» » . .	2	
7 см. полевыхъ	» » . .	4	
12 фунтовыхъ	» » . .	1	
Гатлинга 4-ствольныхъ		9	
» 10-ствольныхъ		6	
Мортиръ		4	
Итого		51 орудіе.	

Кромѣ вышесказаннаго, въ виду того, что Мандаринская дорога шла долиной р. Лун-хэ и, какъ говорилось выше, прерывала линію сухопутной обороны, то эта долина являлась и наиболѣе слабымъ мѣстомъ крѣпости, т. к. черезъ нее легко могъ быть произведенъ прорывъ въ крѣпость и заходъ въ тылъ ея сухопутнымъ батареямъ; поэтому китайцы для усиленія этой долины возвели нѣсколько укрѣпленій совершенно своеобразнаго типа: «ин-паней» (какъ напримѣръ: «Крематорная», «Кладбищенская» и др.).

Всѣ форты и батареи сухопутнаго фронта имѣли характеръ скорѣе полевыхъ укрѣпленій, такъ какъ они не имѣли ни рвовъ ни траверсовъ, равно не имѣли какихъ-либо блиндированныхъ помѣщеній, и само начертаніе ихъ, часто безъ замкнутой даже горжи, можно было объяснить себѣ только совершеннымъ непониманіемъ китайцами своихъ слабыхъ мѣстъ.

Всѣ батареи и форты восточнаго и западнаго фронта были соединены между собою крытымъ путемъ (китайская стѣнка).

Какъ видно изъ описанія сухопутнаго вооруженія крѣпости, фланги его не были замкнуты съ береговымъ фронтомъ, а центръ имѣлъ значительный перерывъ, ничѣмъ, кромѣ глинобитныхъ ин-паней безъ артиллеріи, не восполненный, а потому и представляющійся вмѣстѣ съ флангами мѣстами наиболѣе слабыми, а слѣдовательно и наиболѣе уязвимыми.

Чтобы закончить описаніе созидательной работы крѣпости, слѣдуетъ указать, что на сѣверномъ берегу Тигроваго полуострова была устроена минная школа, въ которой готовили минныхъ кондукторовъ во флотъ. При школѣ имѣлись склады минъ и малый докъ для починки миноносокъ. Учебной частью вѣдалъ инструкторъ-американецъ.

Въ вооруженіи батарей и фортовъ какъ берегового, такъ и сухопутнаго фронтовъ особенно рѣзко бросалось въ глаза разнообразіе калибровъ орудій, что представляло значи-

тельное затрудненіе въ управленіи огнемъ первыхъ и должно было неблагопріятно повліять на ихъ работоспособность.

Черезъ два года (къ 1894 г.) послѣ оборудованія порта и крѣпости вспыхнула японско-китайская война, которая какъ нельзя лучше должна была рѣшить, насколько военныя реформы Ли-хун-чжана принесли китайскимъ арміи и флоту пользу, и что въ общемъ ходѣ кампаніи можетъ сдѣлать такой оборудованный портъ, какъ укрѣпленный Портъ-Артуръ.

За годъ до войны строители крѣпости, опасаясь за входъ въ портъ и желая усилить его, предполагали поставить у входа четыре броневыя башни съ орудіями большого калибра, равно предполагалось углубить западную бухту до того, чтобы она могла служить мѣстомъ стоянки судовъ, но ни первое ни второе такъ дальше проектовъ и не пошло.

Когда объявленіе войны стало фактомъ, то въ Портъ-Артуръ была доставлена масса оружія, и гарнизонъ крѣпости былъ значительно усиленъ.

Чтобы судить о боевой готовности крѣпости, китайскій императоръ поручилъ своему воспитателю Венг-тунг-хо посѣтить переодѣтымъ въ платье кули Тянь-Цзинь, Вей-хай-вей и Портъ-Артуръ и негласно осмотрѣть все.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ результатъ подобной тайной ревизіи.

Иностранцы предостерегали японцевъ относительно П.-Артура: такъ, «Times» незадолго

до взятія этой крѣпости писалъ, что «гарнизонъ П.-Артура раньше состоялъ изъ 8 тысячъ человѣкъ отличныхъ войскъ Ли-хунчжана. Но все-таки П.-Артуръ будетъ взятъ нелегко, т. к. правительство приметъ мѣры къ тому, чтобы оказать помощь Артуру, да и китайскій флотъ, находящійся въ Вей-хай-веѣ, можетъ сыграть въ Артурѣ роль».

Французскій адмиралъ Курбэ, основательный знатокъ Д. Востока, полагалъ, что для овладѣнія П.-Артуромъ необходимо имѣть эскадру изъ 20 судовъ и 30 тыс. десанта.

Но японцы имѣли болѣе точныя извѣстія, собранныя о крѣпости какъ въ мирное время, такъ и послѣ объявленія войны при помощи своихъ шпіоновъ (японцевъ и китайцевъ), которые находились въ различныхъ пунктахъ военныхъ дѣйствій передъ атакою П.-Артура. Три такихъ шпіона (японцы) были пойманы китайцами и обезглавлены. Одинъ изъ русскихъ военныхъ людей, играющихъ извѣстную роль на Д. Востокѣ, въ своихъ донесеніяхъ того времени останавливаетъ вниманіе на этомъ фактѣ и говоритъ, что «это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, потому что оно доказываетъ, что вопросъ о полученіи негласнымъ путемъ свѣдѣній о противникѣ поставленъ въ Японіи на очень твердую почву».

Недаромъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Японіи существовала должность «придворнаго шпіона», и это ремесло

до послѣдняго времени не считается тамъ позорнымъ занятіемъ, а наоборотъ, возводится въ доблесть наравнѣ съ храбростью и иными добродѣтелями. Одинъ европеецъ, поселившійся въ Японіи, живущій тамъ уже много лѣтъ и отлично знающій населеніе, въ бытность мою въ 1899 году тамъ, предостерегалъ меня, увѣряя, что въ каждомъ японцѣ прежде всего слѣдуетъ видѣть шпіона, а потомъ уже только офицера, чиновника, купца. И эта рекомендація, такъ поразившая меня вначалѣ, совершенно оправдалась впослѣдствіи; и часто потомъ приходилось сожалѣть, съ какой преступной безпечностью относились мы, русскіе, ко всѣмъ японскимъ купцамъ, прачкамъ и даже проституткамъ, пріѣхавшимъ въ П.-Артуръ послѣ занятія его русскими и отправившимъ много цѣнныхъ свѣдѣній, указаній и разъясненій японскому главному штабу. Для успѣха родины позорнаго не было. Цѣль оправдывала средство.

Такимъ образомъ, артурская операція была основана не на случайномъ предположеніи о противникѣ, а къ ней былъ приложенъ самый точный расчетъ, гдѣ были предвидѣны всѣ детали. Будущее показало, что японцы были правы, и европейскія опасенія только сыграли имъ въ руку, поднявъ высоко ихъ престижъ. Высадившись въ концѣ октября 1894 г. около Бицзыво, подъ прикрытіемъ флота, японская II-ая армія двинулась на югъ, къ городу Кинчжоу. Японская развѣдка обнаружила

присутствіе въ Кинчжоу и его окрестностяхъ китайскаго отряда изъ трехъ родовъ оружія.

Выгоды позиціи у Кинчжоускихъ высотъ заключались въ томъ, что, при малой ширинѣ перешейка (около $2^1/_2$ в.), фланги ея упирались въ бухты, которыя, конечно, были обезпечены только при условіи, что непріятельскія канонерки не войдутъ въ заливы и не будутъ обстрѣливать фланговымъ и тыловымъ огнемъ позиціи, и что пѣхота противника не обойдетъ фланги въ бродъ *). Да китайцы, впрочемъ, позицію, про которую сами японцы говорили, что, «укрѣпи ее китайцы раціонально и снабди достаточнымъ гарнизономъ, то армія маршала Оямы вся разбилась бы тутъ, и операція у Портъ-Артура стала бы болѣе чѣмъ сомнительною» **),—и не занимали вовсе. Они предпочли укрѣпить самый городъ Кинчжоу тридцатью орудіями обычно различныхъ калибровъ, при 1200 человѣкахъ гарнизона. 2250 человѣкъ, при 4-хъ полевыхъ пушкахъ, заняли позицію у дер. Секи-мон-си (у дороги на Бицзыво), а 3750 человѣкъ заняли форты Таліенвана; эти послѣдніе, впрочемъ, никакого участія при оборонѣ перешейка не при-

*) Составитель труда «Японско-Китайская война» П. Н. Симанскій считаетъ, что фланги были обезпечены, т. к. суда не могли войти въ бухты, а вязкое дно затрудняло обходъ ихъ въ бродъ; но опытъ 1904 года показалъ, что и то и другое возможно. Трудно сказать, не держались ли мнѣнія П. Симанскаго и на Квантунѣ до 13 мая 1904 г.

**) «The Japan Daily Mail», 1894 г.

нимали и при первомъ извѣстіи о взятіи Кинчжоу предпочли бѣжать, бросивъ форты, на югъ къ Портъ-Артуру.

Въ 7 ч. 45 м. утра 6 ноября 1894 г. японцы атаковали китайцевъ (у Секи-мон-си), при чемъ дѣйствія войскъ наступающаго выразились слѣдующимъ образомъ: 1-ая бригада генерала Ноги (15-ый и 1-ый пѣхотные полки) должна была наступать изъ Лю-ка-тена, а 2-ая бригада (2-ой и 3-ій пѣхотные полки) изъ Кен-ка-си. 1-ый полкъ атаковалъ китайцевъ съ фронта, а 2-ой полкъ охватилъ и бросился на лѣвый флангъ Секимонской позиціи. Остальные два полка остались въ резервѣ. Эту атаку поддерживали огнемъ четыре полевыхъ батареи. Китайцы не выдержали стремительной атаки японцевъ и начали въ безпорядкѣ отступать, частью въ городъ Кинчжоу, частью дальше на югъ. Преслѣдовать противника выпало на долю резерва. Выбивъ китайцевъ, 1-ый и 2-ой полки двинулись на городъ, но тутъ встрѣтили въ лицѣ гарнизона Кинчжоу сильное сопротивленіе. Высокія и толстыя стѣны стараго города служили надежной защитой китайцамъ, и японцы никакъ не могли произвести бреши въ стѣнѣ. Ихъ выручилъ саперъ Оноучи Токуджи. Этотъ послѣдній, взявъ достаточный зарядъ динамита, не обращая вниманія на градъ пуль со стѣны города и свои раны, заложилъ подъ ворота зарядъ и взорвалъ ихъ. Въ образовавшійся проломъ бросилась пѣхота, и участь города

была рѣшена. Занявъ городъ, японцы заняли и холмы на югъ отъ него (Кинчжоуская позиція) и поставили на нихъ свою артиллерію. Черезъ 3¹/₄ часа перешеекъ перешелъ въ руки японцевъ, и Квантунъ явился съ суши отрѣзаннымъ. На слѣдующій день часть I-ой дивизіи направилась въ Таліенванъ для овладѣнія тамъ фортами, но они уже были очищены китайцами.

Итакъ, трехчасовымъ боемъ и потерею 1 офицера и 16 нижнихъ чиновъ японцы овладѣли и ключомъ и дверью Квантуна. Не знаешь, кого винить больше: европейцевъ ли, не понявшихъ Кинчжоуской позиціи и создавшихъ Артуръ, оставивъ ее безъ всякаго укрѣпленія, или китайцевъ, бѣжавшихъ съ Секи-мон-си?

Бѣглецамъ же изъ Таліенвана нѣтъ оправданія. Они даже не рискнули поддержать товарищей, между тѣмъ орудія большого калибра и дальняго боя, имѣющіяся на вооруженіи фортовъ, могли принести существенную пользу защитникамъ перешейка. Правда, не было у китайцевъ объединяющаго начальника, и каждый изъ нихъ представлялъ или хотѣлъ представлять самостоятельное лицо. Этимъ можно объяснить себѣ, но отнюдь не оправдать поведеніе таліенванскаго гарнизона. Послѣ занятія Таліенвана, японцы прежде, чѣмъ итти дальше на Портъ-Артуръ, временно пріостановились, поджидая прибытія 12-ой бригады 6-ой дивизіи и осаднаго парка, равно устраи-

вая продовольственный складъ. Только закончивъ все это и подготовивъ себя для достиженія вѣрнаго успѣха, японцы двинулись впередъ, оставивъ для обезпеченія себя съ тылу 3 баталіона на линіи Кинчжоу-Таліенванъ.

Къ концу октября гарнизонъ крѣпости Портъ-Артуръ состоялъ примѣрно изъ 10½ тысячъ человѣкъ; при чемъ изъ нихъ 8 иновъ*), подъ командою генераловъ Чуна и Чана, были войска, набранныя въ Тяньцзинѣ послѣ ухода войскъ Суна въ Корею; 5 иновъ генерала Вей тоже состояли изъ молодыхъ рекрутъ, прибывшихъ въ П.-Артуръ только въ октябрѣ; 8 иновъ генераловъ Хуана и Чана, изъ которыхъ старыхъ солдатъ было только 6 иновъ. Слѣдовательно гарнизонъ крѣпости былъ не только малъ, если считать фронтъ ея до 20 верстъ (изъ нихъ до 14 сухопутнаго), но и плохъ въ качественномъ отношеніи, т. к. только $^1/_3$ его можно было назвать солдатами, $^2/_3$ же его составляли сбродъ, который по своей необученности и неопытности скорѣе могъ принести вредъ, чѣмъ пользу крѣпости. Разнообразность вооруженія сказалась и тутъ: такъ, солдаты были вооружены ружьями, начиная отъ малокалибернаго маузера до пистоннаго ружья включительно, при огромномъ числѣ патроновъ. Общаго начальника, какъ и въ бою 6-го ноября, не было, т. к. командиръ порта даотай Кунъ не былъ таковымъ.

---

*) Инъ—около 500 человѣкъ.

Послѣ занятія Кинчжоу японцами, защитникъ его генералъ Сюй отступилъ въ крѣпость, куда прибылъ изъ Таліенвана и генералъ Цяо, а на слѣдующій день прибыли туда же и войска ихъ (5 иновъ Сюя и 6 иновъ Цяо, всего около 3'/$_2$ т.). Генералы эти не пытались задержать наступающаго противника на позиціяхъ между Кинчжоу и Артуромъ, и, такимъ образомъ, вся мѣстность до крѣпости была чиста отъ китайскихъ войскъ. Есть мнѣнія, что японцы, между прочимъ, оттого не повели сразу наступленія, что были увѣрены, что китайскія войска задержатъ ихъ, и перешли только тогда, когда обезпечили себя вполнѣ.

Въ ночь на 8-ое ноября командиръ порта (Кунъ) бросилъ Артуръ, тайно бѣжавъ черезъ Чифу въ Тяньцзинь. Портовые рабочіе, узнавъ объ этомъ, бросили свои работы и разбѣжались. Войска Куна принялись грабить портъ; жители крѣпости, напуганные этимъ, бросили дома и разбѣжались. Начальникъ минной части крѣпости тоже бѣжалъ; за нимъ послѣдовали и его подчиненные, почему-то перерѣзавъ проводники, благодаря чему ни одна мина загражденія не могла быть взорвана. По строгому приказанію Ли-хун-чжана, Кунъ 12 ноября долженъ былъ вернуться въ крѣпость. По пріѣздѣ онъ созвалъ совѣтъ. Очевидецъ говоритъ, что всѣ генералы были перепуганы до того, что на нихъ было противно смотрѣть. На совѣтѣ считали, что сражаться съ японцами нельзя; и только одинъ генералъ Сюй

(Кинчжоу) указывалъ, что «предстоящее дѣло настолько серіозно, что мы должны съ нашими войсками пойти навстрѣчу японцамъ и разбить ихъ; сидѣть же здѣсь и ждать ихъ прихода — глупо. Если хотите, прибавилъ генералъ, я со своими войсками пойду впереди»; но ему никто ничего не отвѣтилъ, и совѣтъ кончился ничѣмъ.

Войска гарнизона были расположены слѣдующимъ образомъ по фронту крѣпости: генералъ Чанъ занималъ восточный фронтъ сухопутной обороны (отъ Мандаринской дороги), генералъ Чунъ — западный, генералы Цяо и Сюй—Учебное поле и большіе пороховые погреба, генералъ Вей — арсеналъ. Береговой фронтъ занимали генералы Хуанъ и Чанъ, изъ нихъ первый—восточную часть, и второй—западную (считая отъ входа въ бухту). Войска, назначенныя по фронтамъ позиціи, размѣстились за китайской стѣнкой (прикрытый путь) и въ казематахъ береговыхъ фортовъ; остальныя же занимали ин-пани.

Что же касается флота, то онъ покинулъ Портъ-Артуръ и ушелъ въ Вей-хай-вей, откуда напрасно Ли-хун-чжанъ приказывалъ адмиралу Тину итти на выручку крѣпости.

Вице-король Печили, видимо, все-таки не сильно былъ увѣренъ въ стойкости артурскаго гарнизона, т. к. приказалъ генералу Суну (бывшему на с.) ударить въ тылъ японцамъ. Этотъ послѣдній, видимо, тоже не очень торопился выполненіемъ приказанія. Вялое и мед-

ленное движеніе его отряда (около $3^1/_2$ тысячъ) легко было остановлено и разбито Кинчжоускимъ заслономъ (въ день взятія Артура).

Японскія войска, подъ общимъ начальствомъ генерала Оямы, оперирующія противъ крѣпости, состояли изъ 1-ой дивизіи генер.-лейт. барона Ямаджи (1-ый, 2-ой, 3-ій и 15-ый пѣх. полки, 1-ый арт. полкъ, 1-ый кавалер. баталіонъ, 1-ый инженерн. баталіонъ), всего 12 баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадрона, 1 батал. саперъ, 2 полевыхъ и 12 горн. орудій (всего 13.670 челов.); 12-ой бригады 6-ой дивизіи ген-маіора Хасегавы (14-ый и 24-ый пѣх. полки, 3-ій бат. 6-го арт. полка. 1 эскадр. 6-го кав. баталіона, 2 роты 6-го инжен. батал.), всего 6 баталіон. пѣхоты, 12 горн. орудій, 1 эскадронъ и 2 роты саперъ (6.950 челов.).

Осадный артиллерійскій паркъ состоялъ изъ 4—12 см., 12—9 см. пушекъ, 8—15 см. и 6—9 см. мортиръ.

Слѣдовательно у маршала Оямы находилось около 20.000 человѣкъ при 78 орудіяхъ. Для поднятія же различнаго рода грузовъ въ 1-ой дивизіи имѣлось до 2.182 повозокъ (японскія телѣжки), везомыхъ 7.650 кули; бригада же генер. Хасегавы возила свои транспорты на 1.347 вьючныхъ лошадяхъ.

Санитарная часть заключалась въ 3-хъ полевыхъ госпиталяхъ при трехъ ротахъ санитаровъ (750 челов.).

Изъ этого всего состава, какъ выше сказано, генер. Ояма оставилъ часть въ видѣ за-

слона въ Кинчжоу (баталіонъ 15-го полка съ 1/2 взводомъ кавалеріи) и Таліенванѣ (баталіонъ 14-го полка съ горной батареей и кавалерійскимъ взводомъ).

17-го ноября войска двинулись къ крѣпости въ слѣдующемъ порядкѣ: впередъ по Мандаринской дорогѣ было пущено 2 эскадрона, за ними *авангардъ* въ составѣ 2-хъ баталіоновъ 2-го полка. *Правая колонна*: 13 баталіоновъ 1-ой дивизіи, 4 полевыхъ и 1 горная батареи. *Лѣвая колонна* (2 баталіона 14-го полка) горными тропами.

Осадный паркъ шелъ сзади правой колонны, и его прикрывалъ арьергардъ изъ одного баталіона. Особенно труденъ этотъ походъ былъ для артиллеріи и лѣвой колонны, т. к. саперы ничего не сдѣлали для улучшенія дорогъ.

18-го ноября у дер. До-шанъ-си передовая кавалерія наткнулась на противника (до 2 1/2 тысячъ), имѣвшаго артиллерію. Завязался бой. Японцы спѣшили одинъ эскадронъ и дали знать авангарду, который выслалъ одинъ баталіонъ на поддержку. Фактически вошла въ бой лишь одна рота (2-го полка), остальныя же, занявъ оборонительную позицію, открыли огонь по китайцамъ, куда принуждены были отступить кавалерія и рота Войска II арміи предъявили потомъ баталіону 2-го полка, который почему-то предпочелъ оборонительное положеніе наступательному, обвиненіе чуть ли не въ трусости. Отступленіе япон-

скаго передового отряда было еще тѣмъ затруднено, что китайцы окружили его. Японцы разсказываютъ, что передовая кавалерія дѣйствовала выше похвалъ, и приводятъ между прочимъ слѣдующій случай. Драгунъ Гематцу Кимура, раненый въ грудь, увидалъ, что его лейтенантъ Асакава, тоже раненый, упалъ, причемъ убитой подъ нимъ лошадью былъ придавленъ. Храбрый солдатъ, преодолѣвая физическую боль, подалъ свою лошадь и помогъ раненому офицеру сѣсть на нее и уѣхать. Лейтенантъ, съ трудомъ держась въ сѣдлѣ, достигъ главныхъ силъ, гдѣ и упалъ совершенно обезсиленный. Кимура же въ числѣ другихъ (около 40 человѣкъ) попалъ къ китайцамъ, которые, надругавшись надъ убитыми, предали раненыхъ мученической смерти въ П.-Артурѣ. Несчастнымъ отрубали кисти рукъ и ступни, распарывали животы, инымъ отрубали головы, другихъ же за нижнюю челюсть крюками прикрѣпляли къ стѣнамъ домовъ. Говорятъ, что китайскія власти назначали награду за каждую принесенную японскую голову, а Mr. Hart (корреспондентъ Рейтера въ П.-Артурѣ) говорилъ одному русскому офицеру, что видѣлъ даже расписки китайскихъ солдатъ въ полученіи этихъ денегъ.

20-го ноября войска находились въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости. Въ этотъ день бывшій японскій агентъ въ Китаѣ маіоръ Каміо написалъ, по приказанію маршала Оямы, предложеніе о сдачѣ крѣпости. Письмо это

было адресовано генералу Вэй и отправлено съ плѣннымъ китайцемъ, въ немъ предлагалось, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, сдаться. Но китайскій генералъ отвѣтилъ отказомъ, и японскія войска стали готовиться къ штурму, который былъ назначенъ на слѣдующій день.

Около 2-хъ часовъ дня японцы вдругъ замѣтили, что китайцы въ трехъ густыхъ колоннахъ вышли изъ крѣпости и наступаютъ на нихъ. Такое странное наступленіе японцы вначалѣ объяснили себѣ тѣмъ, что это двигались мирные жители; но потомъ, увидавъ великое множество военныхъ флаговъ и услышавъ выстрѣлы, поняли, что китайцы дерзнули атаковать ихъ, имѣя на флангахъ своихъ артиллерію.

Японцы, понявъ этотъ маневръ, быстро изготовились для отраженія противника и ждали. Когда средняя колонна подошла на версту къ японцамъ, то горная артиллерія открыла огонь сперва гранатой, а потомъ перешла на шрапнель.

Снаряды рвались настолько удачно, что китайцы, остановившіеся было послѣ первыхъ гранатъ, бросились бѣжать, провожаемые пачечнымъ огнемъ японской пѣхоты. Часть ихъ скрылась въ Артурѣ, но главная масса ушла въ горы, направляясь на сѣверъ въ Цзиньчжоу.

Послѣ этого маршалъ Ояма, собравъ генераловъ и командировъ частей на одну изъ возвышенностей, лично самъ изложилъ диспо-

зицію на 21-е ноября. (Переговоры же его со своимъ флотомъ были закончены заранѣе. Японскій флотъ всегда, при выполненіи различнаго рода операцій, строго согласовался съ дѣйствіями сухопутныхъ войскъ, и разъ уже было рѣшено что-нибудь, то ни споровъ ни отмѣнъ и перемѣнъ не дѣлалось, и армія и флотъ дѣйствовали самостоятельно).

Диспозиція заключалась въ слѣдующемъ:

Армія ведетъ наступленіе тремя колоннами. Правая, въ составѣ всей 1-ой дивизіи (10 батал. при 36 орудіяхъ), подъ общимъ начальствомъ генер. Ямаджи, беретъ группу редутовъ холма И-су-занъ, послѣ чего фланговымъ ударомъ овладѣваетъ редутами Сіо-жю-занъ (укрѣпленіе № 3) и Ни-рю-занъ (фортъ № 3).

Средняя колонна, подъ командой генер. Хасегавы (3 бат. 24-го полка, 6 горныхъ орудій), беретъ Ни-рю-занъ, начавъ активное наступленіе только по взятіи генер. Ямаджи И-су-зана и Сіо-жю-зана.

Лѣвая—подполковн. Масумитсу (2 баталіона 14-го полка)—производитъ демонстрацію на правомъ флангѣ китайской сухопутной обороны крѣпости.

Осадный паркъ стоитъ на высотѣ, сѣвернѣе дер. Шуй-ши-инъ, и подготовляетъ атаку правой колонны.

Передовая кавалерія охраняетъ правый флангъ арміи у дер. Кокатонъ (2 эскадрона).

Штабъ арміи, общій резервъ (одинъ бат.

1-ой дивизіи), подъ командой маршала, находятся у дер. До-жю-ли-хо.

Всѣ войска къ разсвѣту должны уже быть на мѣстахъ и начать наступленіе.

Трудно было ночью передвигать войска, въ особенности артиллерію, въ темнотѣ, безъ проводниковъ (китайцы-проводники, пользуясь ночью, убѣжали), по отвратительнымъ дорогамъ. Но, несмотря на всѣ эти трудности, несмотря на то, что осадную артиллерію везли въ разобранномъ видѣ на телѣжкахъ, тѣмъ не менѣе къ $6^1/_2$ ч. утра всѣ части занимали свои позиціи и были готовы къ штурму.

Войска, согласно общей диспозиціи маршала Оямы, а также диспозиціи начальниковъ колоннъ, расположились такъ: правая колонна (Ямаджи) занимала мѣстность въ двухъ верстахъ противъ И-су-зана, при чемъ боевую часть ея составляли 2-ая бригада съ 6-ю батареями, подъ командой генерала Ниши, остальныя же части, подъ начальствомъ генер. Ноги, составляли резервъ.

Артиллерія боевой части заняла примѣрно высоты извѣстныхъ горъ: «Высокой», «Угловой», «Дивизіонной», сзади которыхъ расположился резервъ.

Средняя колонна (Хасегава), занявъ высоты восточнѣе и на линіи дер. Шуй-ши-инъ и выставивъ на позицію горную батарею, стала такъ, ожидая выполненія задачи правой колонной.

Лѣвая колонна (Масумитсу), проплутавъ всю

ночь въ темнотѣ, утромъ увидѣла себя на высотѣ средней колонны, противъ форта № 6 (редутъ № 1).

Китайцы нигдѣ не мѣшали развертываться противнику. И онъ, растянувшись на 9 верстъ и имѣя въ резервѣ 1 баталіонъ, приготовился къ выполненію своей задачи. Около 7 часовъ утра по выстрѣлу осадной батареи началась артиллерійская подготовка. Артиллерія громила главнымъ образомъ группу И-су-занъ и слегка Сіо-жю-занъ (укр. № 3). Китайцы безпорядочно отвѣчали изъ орудій и ружей.

Видя, что огонь китайцевъ мало дѣйствителенъ, генералъ Ниши началъ штурмовать форты 3-мъ полкомъ. Китайцы, поддержива-емые «Золотой горой», обрушились на этотъ полкъ всей силой своей артиллеріи лѣваго фланга. Дойдя до 400 шаговъ отъ батарей И-су-зана и передохнувъ въ мертвомъ пространствѣ, полкъ, при содѣйствіи огня другихъ войскъ 1-ой дивизіи, бросился на китайцевъ. Черезъ часъ редуты пали. Китайцы бѣжали черезъ Учебное поле (Казачій плацъ), преслѣдуемые двумя баталіонами 3-го полка. Японская артиллерія, увидя, что И-су-занъ занятъ, перенесла огонь на Сіо-жю-занъ и Ни-рю-занъ. Средняя же колонна начала наступать, направивъ одинъ баталіонъ на Ни-рю-занъ, другой на Року-бо-занъ (редутъ № 2) и оставивъ третій въ резервѣ. Генералъ Хасегава, ожидая атаки китайской позиціи во флангъ войсками Ямаджи, смѣло подвигался

впередъ, но послѣдній, вопреки диспозиціи, не исполнилъ второй части ея, двинувшись черезъ Учебное поле въ городъ.

Увидѣвъ, что правая колонна не поддерживаетъ его, Хасегава, этотъ «второй Скобелевъ», по признанію французовъ, рѣшилъ съ однимъ своимъ полкомъ выполнить приказаніе маршала и выдвинулъ послѣдній баталіонъ своего резерва противъ редута Сіо-жю-занъ, сильно обстрѣливающаго его, оставивъ, по его выраженію, въ резервѣ «знамена, 1/2 взвода саперъ и небо». Горной артиллеріи онъ приказалъ выѣхать на самую ближнюю позицію. Къ счастью средней колонны, около 11 ч. утра фортъ Сіо-жю-занъ, послѣ удачно попавшей туда бомбы, взлетѣлъ на воздухъ. Генералъ Хасегава, ободренный этимъ, отозвалъ баталіонъ, штурмовавшій его, и бросился на Ни-рю-занъ. Впечатлѣніе отъ взрыва на китайцевъ было самое подавляющее: они отступали не только съ него, но и со всего сухопутнаго фронта. И смѣлый генералъ въ 11 1/2 ч. утра водрузилъ флагъ Восходящаго Солнца на ключѣ восточнаго фронта—Ни-рю-занѣ. Фактически крѣпость пала, осталось только овладѣть городомъ и береговыми фортами. Передовая кавалерія съ полкомъ резерва генерала Ноги, во время китайскаго бѣгства съ И-су-зана, оттѣснила бѣглецовъ до деревни О-ко-си, и китайцы вразбродъ бѣжали западнымъ берегомъ, обходя правый флангъ противника, японцы ихъ не преслѣдовали. Так-

же не преслѣдовала лѣвая колонна бѣгущихъ китайцевъ, которые, пробираясь восточнымъ берегомъ, держали путь на Таліенванъ. Подполковникъ Масумитсу въ это время штурмовалъ фортъ Кей-кан-занъ (редутъ № 1), который и занялъ почти безъ боя ко времени паденія Ни-рю-зана.

Китайскіе генералы Кунъ, Хуанъ и Вэй еще утромъ бѣжали изъ крѣпости на лодкахъ, предоставивъ своимъ войскамъ дѣлать что угодно; и войска, ровняясь по своему начальству, послѣдовали ихъ примѣру.

Прибывъ, послѣ занятія сухопутнаго фронта крѣпости, на линію только что занятыхъ батарей, главнокомандующій отдалъ приказаніе 1-ой дивизіи преслѣдовать противника, отступающаго въ городъ, и овладѣть береговыми батареями лѣваго фланга. 12-ая бригада должна была отрѣзать путь бѣгущимъ китайцамъ по восточному берегу, а кавалерія — по западному.

Въ своемъ побѣдномъ шествіи правая колонна была задержана частью китайскихъ войскъ генерала Сюя, занявшихъ арсеналъ и мѣстность вокругъ него и громившихъ японцевъ со ската горы Перепелки полевой артиллеріей (2 орудія).

Золотая гора пыталась было поддержать генерала Сюя, но ея перелеты могли только морально дѣйствовать на наступающія войска противника. Генералу Ямаджи приходилось плохо, и онъ былъ вынужденъ вызвать артил-

1894 год

лерію, послѣ чего только ему удалось сломить упорство единственно честно исполнившихъ свой долгъ китайскихъ войскъ.

Изъ всѣхъ генераловъ, такъ щедро данныхъ судьбой крѣпости, одинъ только генералъ Сюй можетъ итти въ счетъ, т. к. только онъ пытался задержать японцевъ у Кинчжоу, это онъ на совѣтѣ предлагалъ итти впередъ, и, наконецъ, только онъ оказалъ достойное сопротивленіе въ Портъ-Артурѣ. Генералъ Сюй былъ истинно душою обороны крѣпости, и Китай, такъ часто ставящій памятники добродѣтели, можетъ смѣло увѣковѣчить память увы! чуть ли не единственнаго своего храбраго воина.

Занявъ артиллеріей позицію восточнѣе горы Перепелки (Бэй-юэ-шань), баталіонъ 15-го полка занялъ безъ боя береговые форты лѣваго фланга, а 2-й полкъ — Золотую гору. Возвращаясь назадъ въ городъ, солдаты 2-го полка наткнулись на изуродованные трупы своихъ товарищей, взятыхъ въ плѣнъ и варварски умерщвленныхъ 18-го ноября, во время движенія японскихъ силъ на Портъ-Артуръ. На стѣнахъ китайскихъ фанзъ висѣли тѣла солдатъ какъ разъ 2-го полка, и по нимъ японцы устроили настоящую кровавую тризну. — «Только ночь, говоритъ очевидецъ, прекратила эту рѣзню»...

Дѣйствіе японскаго флота за этотъ день выразилось въ томъ, что онъ (по словамъ японцевъ) своими выстрѣлами отвлекъ берего-

С. См. Семановский. Японско-китайская война

выя батареи отъ колоннъ штурмующихъ и, кромѣ того, послѣ бѣгства китайцевъ по западному берегу обстрѣлялъ бѣглецовъ. Послѣ взятія фортовъ сухопутной обороны, отрядъ японскихъ миноносцевъ прорвался въ бухту и, говорятъ, произвелъ достаточный переполохъ въ порту.

Вечеромъ, во взятой крѣпости, въ кругу своихъ и морскихъ офицеровъ, военныхъ корреспондентовъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ, главнокомандующій японскими силами маршалъ Ояма, высоко поднявъ бокалъ шампанскаго, провозгласилъ здоровье своего императора, и этимъ, такъ сказать, занятіе первоклассной китайской крѣпости, дѣтища великаго Ли-хун-чжана, стало фактомъ.

Одинъ изъ офицеровъ англійскаго парохода «Porpoise», будучи очевидцемъ взятія Артура, говоритъ, что лучше того, какъ дѣйствовали здѣсь японцы, не могли дѣйствовать «ни одна европейская армія, никакой европейскій флотъ». «Признаюсь — писалъ онъ дальше:—что для насъ японцы были бы очень непріятными врагами (very bad). Уничтожить ихъ на морѣ намъ, вѣроятно, удалось бы, но въ борьбѣ съ ними на сушѣ мы оказались бы совсѣмъ безсильными. Не намъ учить ихъ теперь военному искусству. Они сами стали учителями военныхъ наукъ. Для насъ Портъ-Артуръ былъ настоящимъ откровеніемъ»...

Отчего же такъ скоро палъ Артуръ? Отчего такъ всюду сдавали быстро китайскія

Русские военные суда стали на 4*
внешнем рейде Порт-Артура – 3.XII.97

войска, что даже маленькій отрядъ японцевъ могъ останавливать значительныя китайскія силы, какъ, напримѣръ, мы видимъ при отраженіи въ Кинчжоу китайскаго подкрѣпленія Артуру съ сѣвера? На это въ газетѣ «Го-вэнь-бао» авторъ-китаецъ пишетъ: «въ дѣлѣ Китая съ Японіей въ 1894 г. въ столицѣ и захолустьяхъ, въ высшихъ и низшихъ слояхъ, знатоки и невѣжды—всѣ имѣли смѣлость въ одинъ голосъ требовать войны съ Японіей, считая ее, подъ вліяніемъ пустого тщеславія, нестрашною. Эти воинственные клики были обязаны нашему незнакомству съ внутреннею и внѣшнею политикой Японіи». И онъ тысячу разъ правъ. Не такъ ли нѣкогда французы кричали «въ Берлинъ»? Въ 1893 г., т. е. за годъ до войны, въ Гензанѣ былъ китайскій консулъ, получившій отличное образованіе въ Америкѣ. Въ разговорѣ о возможной войнѣ съ Японіей консулъ горячо высказывалъ ту мысль, что, при колоссальности Небесной имперіи, Японія лѣзетъ на рожонъ. «Вы подумайте—говорилъ онъ:—въ Японіи сорокъ милліоновъ населенія, у насъ въ десять разъ больше. Японія выставитъ сто солдатъ, мы дадимъ тысячу; они пришлютъ къ намъ стотысячную армію, мы противопоставимъ ей милліонъ. У Японіи не хватитъ пороху и свинца перестрѣлять всѣхъ насъ. На смѣну убитымъ явятся все новые и новые полки». И видя, что слушатели скептически качали головами, онъ увѣрялъ, что въ немъ

говоритъ не патріотизмъ, о, совсѣмъ нѣтъ, а только ариѳметическій подсчетъ. Какъ горько ошибался ученый китаецъ! Англичанинъ Макгованъ *) въ своемъ трудѣ о Китаѣ объясняетъ, почему Японія побила Китай. По его мнѣнію, всѣ причины сводятся къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) въ Китаѣ правительственная дѣятельность всякаго рода вполнѣ развращена; 2) полное отсутствіе въ Китаѣ патріотизма; 3) пропасть, раздѣляющая, мандариновъ отъ народа, и существующій между ними полный антагонизмъ; 4) вся организація военной части Китая, совершенно несоотвѣтствующая современнымъ военнымъ условіямъ и требованіямъ».

Къ числу «несомнѣнныхъ» обвиненій, предъявленныхъ авторомъ книги «Ли-хун-чжанъ» китайцемъ Лянцичао, есть такого рода пунктъ: «почему онъ поручилъ близкому лицу, неподходящему и трусу, бѣжавшему при первомъ слухѣ о приближеніи непріятеля, такой важный пунктъ, какъ Люй-шунь-коу»? Почему же? И не найдемъ отвѣта, кромѣ того, что, несомнѣнно, великій Ли былъ сыномъ своей бѣдной страны...

Значеніе паденія П.-Артура понятно, и трофеи, взятые тамъ японцами, извѣстны. Мы особенно долго остановили вниманіе читателя

---

*) A history of China from the Carliest days down to the present, by rev. Macgowan. London. Kegan Paul Frübner. 1897.

на этой операціи японской арміи умышленно. Мы пройдемъ мимо и не остановимся на томъ, что дѣлали японцы послѣ занятія Квантуна; мы не разскажемъ, какъ они устраивались на немъ, какъ вводили тамъ свое управленіе и, наконецъ, какъ со скрежетомъ зубовнымъ, «уступая дружественному совѣту державъ», отдали его обратно. Это насъ мало интересуетъ. Намъ интересно узнать, научила ли эта война насъ, русскихъ, чему-нибудь, и если англичанинъ считаетъ ихъ учителями военнаго дѣла, то мы можемъ ли считать ихъ таковыми?

Намъ интересна въ данномъ случаѣ та поучительность, которую мы извлечемъ изъ нея.

Мы говоримъ, что сухопутный фронтъ у китайцевъ былъ плохъ; мы указываемъ на недостаточность гарнизона, на узкій входъ въ портъ, на мелководье западнаго бассейна и малую величину восточнаго; мы говоримъ про большое количество мертвыхъ пространствъ у редутовъ и многое другое. На ряду съ этимъ мы видимъ, чѣмъ обладаютъ японцы. Намъ ясны ихъ промахи и ихъ достоинства. Мы видимъ, какъ они подготавливаютъ войну. Мы знакомы даже съ ихъ нѣкоторыми взглядами: такъ, мы знаемъ, что они думаютъ о Кинчжоу.

Мы видѣли, что кабинетная подготовка операціи покоилась не на случаѣ, а на расчетѣ и расчетѣ точномъ. Не будь его, II-ая армія не рискнула бы съ 16-ю тысячами

брать Артуръ, не рисковалъ бы генералъ Хасегава съ двумя баталіонами броситься на штурмъ Ни-рю-зана. И обвиненія нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ то время въ Китаѣ, «въ явномъ сочувствіи японцамъ *)» намъ кажутся несправедливыми.

Во всякомъ случаѣ, переходя къ слѣдующей главѣ, мы имѣемъ право сказать, что, если когда-нибудь японцы будутъ нашими врагами, то они для насъ не будутъ «terra incognita»; и насколько они явятся для насъ желанными врагами, мы, быть можетъ, разобравшись, отвѣтимъ или словами англійскаго офицера съ «Porpoise», или русскимъ: «добро пожаловать»...

III.

3-го декабря 1897 г. русскія военныя суда стали на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Извѣстіе это облетѣло весь свѣтъ, и иностранцы забили тревогу. Говорили о возможномъ разрывѣ съ Японіей и Англіей; и болѣе трехъ мѣсяцевъ въ иностранной прессѣ на всѣ лады травили насъ, спорили, чуть не ругались. Но иностранные умы были наконецъ успокоены выходомъ въ свѣтъ 17-го марта того же года правительственнаго сообщенія. Въ немъ говорилось: «15-го текущаго марта

*) Симанскій. Японско-китайская война. Стр. 118.

въ Пекинѣ состоялось подписаніе уполномоченными Россіи и Китая особаго соглашенія, въ силу коего Императорскому Правительству уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ,—порты Артуръ и Таліенванъ съ соотвѣтствующими территоріею и водянымъ пространствомъ, а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ Великою Сибирскою магистралью.

Соглашеніе это является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ установившихся дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями, всѣ усилія коихъ должны быть направлены къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ пограничныхъ владѣній на обоюдную пользу подвластныхъ имъ народовъ. Обусловленное дипломатическимъ актомъ 15-го марта мирное занятіе русскою военно-морскою силой портовъ и территоріи дружественнаго государства какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что правительство богдыхана вполнѣ вѣрно оцѣнило значеніе состоявшагося между нами соглашенія. Обезпечивая неприкосновенность верховныхъ правъ Китая и удовлетворяя насущнымъ потребностямъ Россіи, какъ сосѣдней великой морской державы, соглашеніе это отнюдь не нарушаетъ интересовъ какого-либо иностраннаго государства; напротивъ того, оно даетъ всѣмъ націямъ міра возможность въ недале-

комъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьѣ Желтаго моря; открытіе же коммерческимъ флотамъ всѣхъ иностранныхъ державъ порта Таліенвана создаетъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій этихъ державъ при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго отнынѣ, благодаря дружественному уговору между Россіей и Китаемъ, соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта.

Такимъ образомъ, подписанное въ Пекинѣ соглашеніе имѣетъ для Россіи глубокое историческое значеніе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и успѣхи на почвѣ взаимнаго общенія народовъ».

Дополненіемъ этого сообщенія явилась циркулярная телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Россіи за границей: «Въ силу соглашенія, подписаннаго 15 (27) марта въ Пекинѣ представителемъ Россіи и членами Цзун-ли-ямыня, надлежащимъ образомъ на то уполномоченными, Портъ-Артуръ и Таліенванъ, а также прилегающія территоріи уступлены китайскимъ правительствомъ въ пользованіе Россіи. Вамъ поручается сообщить о вышеизложенномъ правительству, при коемъ вы аккредитованы, и прибавить, что упомянутые порты и территоріи будутъ безотлагательно заняты войсками Его

Императорскаго Величества, нашего Августѣйшаго Монарха, и что въ нихъ будетъ поднятъ русскій флагъ совмѣстно съ китайскимъ.

Вы можете одновременно извѣстить министра иностранныхъ дѣлъ, что портъ Таліенванъ будетъ открытъ для иностранной торговли, и что суда всѣхъ дружественныхъ націй встрѣтятъ тамъ самое широкое гостепріимство».

Еще ранѣе этого сообщенія во Владивостокѣ 5-го марта былъ сформированъ отрядъ изъ стрѣлковъ, забайкальскихъ казаковъ, полевой артиллеріи и команды крѣпостной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ полковника Савича, который на пароходѣ Добровольнаго флота «Саратовъ» и прибылъ 9-го марта на присоединеніе къ эскадрѣ къ Портъ-Артуру. Разсказываютъ, что при прохожденіи на линіи японскихъ острововъ было опасеніе, что японцы нападутъ на десантъ и повторятъ то, что въ 1894 г. они сдѣлали съ англійскимъ транспортомъ Каушингомъ; но опасенія не оправдались, и 16-го утромъ десантъ этотъ былъ высаженъ на берегъ. Въ 8 часовъ утра на мачтѣ Золотой горы Е. И. В. Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ былъ поднятъ русскій Андреевскій флагъ совмѣстно съ китайскимъ, послѣ чего эскадра отсалютовала новой русской колоніи 21 выстрѣломъ. (Черезъ нѣсколько дней китайскій флагъ былъ спущенъ, и на мачтѣ остался одинъ русскій флагъ). Китайскія войска, которыми въ то

время въ Портъ-Артурѣ командовалъ генералъ Сунъ, по приказанію изъ Пекина начали еще наканунѣ очищать крѣпость, направляясь на с., и къ ночи съ 15-го на 16-ое марта въ П.-Артурѣ не осталось ни одного китайскаго солдата, если не считать учениковъ минной школы. Въ Таліенванѣ былъ ссаженъ морской десантъ, и русскіе моряки заняли портъ, только что покинутый войсками генерала Ма. Команда крѣпостной артиллеріи въ Портъ-Артурѣ наскоро вооружила нѣкоторыя старыя китайскія береговыя батареи, поставивъ на Золотую гору 9-дм. мортиры, на батареи Тигроваго хвоста (Лао-ху-вей) и Лягушечьей (Мон-чао-цяо) $\frac{\text{6-дм.}}{\text{190-пд.}}$ пушки. Командованіе войсками и тихоокеанскимъ флотомъ было поручено старшему флагману эскадры контръ-адмиралу Дубасову, который издалъ населенію вновь занятой территоріи прокламацію, въ которой объяснялъ причину происшедшей метаморфозы *). «Я, Ду, гласила она, назначенный по Высочайшему повелѣнію начальникомъ тихоокеанской эскадры и командующимъ войсками на Ляо-дунскомъ полуостровѣ, довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что телеграммою Его Императорскаго Величества Государя Императора я поставленъ въ извѣстность, что китайскій императоръ, желая упрочить дружественныя отношенія, существующія между Россіей и Ки-

*) Текстъ этотъ былъ помѣщенъ въ китайской газетѣ «Го-вэн-бао».

таемъ, и ихъ взаимную готовность оказывать другъ другу поддержку и помощь, согласился предоставить Россіи въ арендное пользованіе Портъ-Артуръ и Да-лянь-вань на 25 лѣтъ. Уступаемая такимъ образомъ въ арендное пользованіе область тянется отъ Портъ-Артура до Бо-лань-дяна и Бицзыво.

Само собой разумѣется, что Россія не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ по отношенію къ Китаю, и что ея единственное желаніе направлено къ тому, чтобы преобразовать военную и морскую системы Китая на полуостровѣ и сдѣлать изъ нихъ устойчивую и надлежащую защиту для Китая. Мнѣ поэтому поручено взять въ свое вѣдѣніе округа Портъ-Артура и Да-лянь-ваня съ 16-го марта. Китайскія войска выведены въ другіе округа, и на будущее время защита обитателей и торговцевъ будетъ составлять предметъ моихъ попеченій. Россія желаетъ не только видѣть Китай сильнымъ и независимымъ государствомъ, но и обезпечить безопасность и благосостояніе его подданныхъ.

Въ предѣлахъ занятой Россіей территоріи нѣкоторые китайскіе чиновники будутъ попрежнему исполнять свои обязанности, подчиняясь лишь контролю и власти русскаго адмирала Лѣ (Реуновъ) во всѣхъ болѣе важныхъ дѣлахъ. Всѣ благонамѣренные китайскіе подданные будутъ пользоваться невозмутимымъ спокойствіемъ и благоденствіемъ подъ русскою защитою; всѣ же преступники будутъ

наказываемы по китайскимъ и русскимъ законамъ.

Да будетъ сіе принято всѣми къ свѣдѣнію и исполненію».

27-го марта приказано было сформировать для новой русской колоніи, названной Квантунской областью, квантунскую крѣпостную артиллерію изъ двухъ баталіоновъ трехротнаго состава и трехбатарейный восточно-сибирскій артиллерійскій дивизіонъ *), а черезъ четыре дня 3-ью вост.-сибирскую стрѣлковую бригаду изъ 9-го, 10-го, 11-го и 12-го двухбаталіонныхъ полковъ **). Кромѣ того, была сформирована квантунская саперная рота и присланъ полкъ забайкальскихъ казаковъ (1-ый Верхнеудинскій полкъ). Стрѣлковые полки частью были сформированы изъ восточно-сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, частью собраны изъ полковъ Европейской Россіи. На сформированіе полевой артиллеріи были выдѣлены батареи изъ восточно-сибирской артиллерійской бригады и забайкальскаго дивизіона. Крѣпостная же артиллерія была составлена исключительно выдѣленіемъ ротъ отъ нѣсколькихъ приморскихъ крѣпостныхъ артиллерій Европейской Россіи. Часть будущаго квантунскаго гарнизона прибыла въ видѣ десанта, при самомъ занятіи 16-го марта, другая же, бо́льшая, шла изъ Одессы и Крон-

*) Приказъ по В. В. отъ 27 марта, № 82.
**) Приказъ по В. В. отъ 31 марта, № 84.

штадта какъ на зафрахтованныхъ пароходахъ, такъ и на пароходахъ Добровольнаго флота.

Правительственное сообщеніе о занятіи Квантуна, какъ снѣгъ на голову, свалилось на русское населеніе, и посыпались различные вопросы: гдѣ это? что за страна? есть ли тамъ растительность? города? и пр. По бѣдности нашей общей литературы по этому вопросу, многое оставалось безъ отвѣта; и намъ приходится отмѣтить въ виду этого крайне скудныя замѣтки въ повременной печати объ этомъ весьма важномъ историческомъ моментѣ нашей родины. Только спустя болѣе или менѣе продолжительное время стали появляться статьи въ журналахъ и газетахъ и то главнымъ образомъ въ видѣ выдержекъ изъ писемъ единственныхъ обитателей вновь занятой территоріи — офицеровъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Европейской Россіи были прочитаны лекціи по географіи и этнографіи Квантуна. За очень малымъ исключеніемъ, лекціи эти внесли еще бо́льшую путаницу въ скудныя свѣдѣнія интересующейся публики. Такъ, при посѣщеніи одной изъ нихъ, лекторъ развернулъ передъ нами картину новой окраины въ такихъ яркихъ краскахъ, что у насъ захватило духъ: дѣвственныя заросли пробковаго дуба, бамбука служили обиталищемъ различнаго рода звѣрямъ и красиваго вида птицамъ; въ окрестностяхъ превосходный курортъ — Чифу, со всѣми удобствами лучшихъ европейскихъ городовъ. И мы слушали и не знали, чему вѣ-

рить, лектору ли, или тѣмъ, правда, туманнымъ свѣдѣніямъ, прорывавшимся въ видѣ переводовъ изъ иностранной прессы.

Нашъ средній читатель мало интересовался тѣми перипетіями, которыя совершились за нѣсколько лѣтъ до того времени на Дальнемъ Востокѣ. Онъ твердо зналъ Сахалинъ... Со слезами на глазахъ провожалъ онъ своего родича или просто пріятеля на службу во Владивостокъ; но его представленіе о томъ, что за Байкаломъ идетъ своя жизнь, назрѣваютъ свои нужды, что тамъ можно жить и часто жить недурно, что тамъ выработался особый типъ умнаго, расчетливаго и слегка съ хитрецой крестьянина,—въ его представленіи это плохо укладывалось. Мы врядъ ли погрѣшимъ, если его міровоззрѣніе по этому предмету сравнимъ со словами нашего мужичка—«одно слово: Сибирь, страна сибирная». Да и чѣмъ собственно связанъ-то былъ нашъ средній русскій человѣкъ съ Д. Востокомъ? О немъ доходили до него только все печальные слухи. Тамъ, за Ураломъ, были каторжныя работы, каторжныя тюрьмы и каторжный народъ. Тамъ былъ какой-то свой самосудъ, быть можетъ, иногда и правый, но всегда варварскій. Тамъ... но тамъ для него было все чуждо, и своей доброй волей онъ не ѣхалъ въ дальнюю Сибирь, и легенды о сказочныхъ богатствахъ тамъ были не для него писаны.

Японія, та была извѣстна ему только по чайнымъ сервизамъ да вѣерамъ. Кое-кто еще

зналъ, что въ Японіи можно жениться на срокъ, знали, что японцы похожи на обезьянъ и, какъ онѣ, все перенимаютъ. Знали, что японцы побили китайцевъ. Но все это было такъ далеко отъ насъ, что, при занятіи Портъ-Артура, мало кто и вспомнилъ, что имъ уже разъ владѣли японцы. О Китаѣ знали немногимъ больше. Много лѣтъ мы имѣли своимъ сосѣдомъ Китай, но немного мы знали о немъ. О Японіи судили по Гончарову, о Сибири—по Некрасову...

И 1898 годъ засталъ насъ врасплохъ. Мы, повторяю, средніе русскіе люди ничего не знали о Квантунѣ.

Мы ѣхали туда, какъ ѣдутъ на необитаемый островъ. Мы, назначенные туда на службу, везли съ собой такіе предметы, которые потомъ выкидывали, вплоть до запасовъ чая и риса...

Мы съ полнымъ желаніемъ и чистой совѣстью рѣшили нести туда для пользы нашей родины свой небольшой житейскій опытъ, и, всматриваясь въ жизнь Вавилона — Портъ-Саида, мрачнаго Адена, сказочно-роскошнаго Коломбо и Сингапура, мы поняли, какъ этотъ нашъ опытъ ничтоженъ, какъ великъ и мало знакомъ намъ Божій міръ, и какъ мы, со своей культурой, ничтожны среди тысячелѣтнихъ привычекъ, традицій, вѣрованій и понятій младенца-индуса и великаго молчальника-китайца. При насъ осталось единственно только сознаніе великой задачи, выпавшей на долю намъ,

и такъ хотѣлось вѣрить въ свои силы... Вообще мы еще были молоды и взамѣнъ знанія, умѣнья, начитанности и опыта могли противопоставить только одно—нашу молодость...

Еще по дорогѣ, въ портахъ, много пришлось услышать о Портъ-Артурѣ. Это оказывался не цвѣтущій городъ и даже не городъ, какъ мы привыкли понимать. Это былъ китайскій городокъ, т. е. полный грязи, заразы и своеобразной вони, которую мы вдыхали въ китайскихъ кварталахъ Сингапура. Тамъ, на пароходѣ говорилось о томъ, что во вновь занятой территоріи не имѣется совершенно квартиръ, что придется раскинуть палатки, что сильная, почти тропическая жара съ неменѣе сильными ливнями служитъ началомъ различнаго рода заболѣваній, и что смертность тамъ среди непривычнаго къ этому русскаго люда подавляющая.

Мы охали, лежали на палубѣ въ удобныхъ longue chais'ахъ и любовались чуднымъ солнечнымъ освѣщеніемъ ровной поверхности океана. Мы были молоды.

Какъ-то утромъ послѣ сорокадневнаго плаванія мы увидали бѣлые силуэты военныхъ судовъ: это стояла русская эскадра. А черезъ часъ мы входили въ восточный бассейнъ крѣпости Портъ-Артуръ.

Было чудное лѣтнее утро. Въ порту мчались какіе-то верховые, бѣгали матросы, кто-то кричалъ черезъ сложенныя въ видѣ рупора ладони на ту сторону. Слышались поздравле-

1898 го

нія съ благополучнымъ прибытіемъ, поцѣлуи встрѣчающихъ.

Вотъ она, жизнь дѣловая... Сколько труда и работы положимъ мы, казалось, говорили наши лица. И, ахъ, какъ вѣрилось! Но мы были очень молоды. Въ этомъ, быть можетъ, былъ нашъ недостатокъ, но въ этомъ была и наша сила.

Портъ-Артуръ мы увидали наконецъ воочію сами. Въ немъ не было, правда, ничего сказочнаго, но не было въ немъ и страшнаго. Говорятъ, что первое впечатлѣніе не обманываетъ, и оно самое сильное; и если это такъ, то Портъ-Артуръ намъ понравился.

Въ немъ не было правильно разбитыхъ улицъ, не было хорошихъ зданій. Тутъ лѣпились наскоро изъ глины выложенныя фанзы-домики, было грязно; всюду сновали чумазые китайцы, переносящіе на бамбуковомъ коромыслѣ тяжести. Мы не знали, гдѣ мы будемъ спать, но насъ поражала новизна. Насъ она удивляла, заставляла остановиться, и мы, какъ блаженной памяти пошехонцы, простаивали и около торговца, заходили въ лавочки и китайскія харчевни. Насъ удивляли мѣстныя названія товаровъ и напитковъ, мы заговаривали съ китайцами-рикшами и приглядывались къ полнымъ своего собственнаго величія китайскимъ полицейскимъ въ ихъ шапкахъ котломъ съ красными султанами. Словомъ, все насъ завлекало, и городокъ этотъ намъ понравился, и люди, казалось, были лучше...

Въ тотъ же вечеръ на палубѣ парохода генераломъ Волковымъ (начальникомъ 3-й в.-с. стрѣлковой бригады) былъ данъ обѣдъ, и весь гарнизонъ Портъ-Артура былъ на немъ. Было шумно и весело. На другой день кое-какъ размѣстили пріѣзжихъ.

Ничего, что вмѣсто потолка были обои, а вмѣсто пола—циновки, что двери были безъ замковъ, а окна заклеены тонкой промасленной бумагой. Мы были молоды, и насъ это забавляло...

А вечеромъ, когда на улицахъ замелькали фонарики китайцевъ-пѣшеходовъ, а съ Золотой горы вмѣстѣ со звуками трубы доносилось до насъ пѣніе молитвы... Мы только тутъ поняли всю огромность нашей родины, перенесшейся къ берегамъ давно желаннаго теплаго океана...

То были молодыя грезы...

Вполнѣ понятно, что главная и первая мысль была—вооружить основательно крѣпость и создать надежный оплотъ на вновь занятой территоріи, а поэтому проведеніе ея въ жизнь сейчасъ же и началось.

Какъ только пріѣхавшіе кое-какъ устроились и немного оглядѣлись, сейчасъ же была организована комиссія по вооруженію крѣпости, въ которую вошли представители какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ Квантуна. Комиссія эта много поработала въ свое время,

изъѣздивъ верхомъ вдоль и поперекъ окрестности Портъ-Артура и намѣчая мѣста для будущихъ батарей крѣпости.

Въ октябрѣ 1898 года прибылъ изъ С.-Петербурга генералъ Кононовичъ-Горбацкій, который при участіи мѣстной комиссіи составилъ проектъ вооруженія крѣпости Артуръ.

Въ первую голову предположено было вооружить береговой фронтъ и только отчасти сухопутный, т. к. возможнаго нападенія ждали почему-то съ моря. Для этого построили и вооружили: батарею у Тигроваго перешейка батарейными (4,2 дм.) и 57 мм. береговыми пушками; на Тигровомъ полуостровѣ, на мѣстахъ старыхъ китайскихъ фортовъ, 9 дм. пушечную, 9 дм. мортирную и 6 дм./190 п. (Артиллерійскую) батареи. На восточномъ фронтѣ—Плоскій мысъ 6 дм./190 п. пушками, Крестовую (Свиная) 9 дм. мортирами и Круглую (фортъ № 1) 6 дм./190 п. пушками.

Вмѣстѣ съ этимъ на сухопутьѣ построена была батарея подъ четыре 6 дм./190 п. пушки, имѣвшая назначеніе обстрѣливать Голубиную бухту. Работу эту вели исключительно саперы, поэтому и батарею эту назвали «Саперною».

Послѣ вооруженія всѣхъ перечисленныхъ батарей на береговомъ фронтѣ, сзади батареи Плоскаго мыса (Лягушечьей) были облюбованы два холмика, и, соединивъ ихъ, устроили береговую батарею подъ 9 дм. пушки. Работали тутъ по возведенію бруствера главнымъ образомъ стрѣлки, и батарея эта, названная

вначалѣ «Двурогій холмъ», была потомъ перекрещена въ «Стрѣлковую».

Работы по возведенію батарей и вооруженію ихъ велись самымъ энергичнымъ образомъ, т. е. безъ отдыха, безъ праздниковъ и во всякую погоду. Уже въ то время (осень 1898 г.) до насъ доходили слухи о томъ, что японцы готовятъ «коварное» нападеніе.

Не знаю, имѣли ли слухи эти подъ собой какую-либо почву, но въ управленіяхъ много говорилось о возможной войнѣ, собирались начальствомъ офицеры, а крѣпостная артиллерія даже переселялась на житье въ только что отстроенныя землянки на батареяхъ.

Проходили день-два, и снова все вступало въ свою обычную рабочую колею. Командиръ квантунской крѣпостной артиллеріи полковникъ Холодовскій, сознавая всю важность настоящей минуты, гналъ вооруженіе со всею возможною поспѣшностью. Офицеры и солдаты были положительно прикованы къ своимъ батареямъ, даже обѣдъ имъ приносился туда; и мы сами видѣли, какъ во время пурги пища обращалась въ ледъ, а не имѣя поблизости ни хижинки ни даже куска дерева, приходилось ѣсть ледяные комки щей и каши. Были случаи отмораживанія конечностей.. Но къ 1-му января 1899 г. крѣпость въ той мѣрѣ, какъ предполагалось, была вооружена и могла уже представить извѣстное затрудненіе при овладѣніи ею.

Еще въ сентябрѣ прибыло въ Артуръ но-

вое начальство; то былъ генералъ Суботичъ, принявшій должность «главнаго начальника Квантунской области и командующаго войсками, въ оной расположенными».

Съ его пріѣздомъ начались сухопутные маневры, и окрестности огласились выстрѣлами, испугавшими китайцевъ-крестьянъ, которые въ первое время недоумѣвали: ужъ не война ли опять? Но войны не было; войска области знакомились съ характеромъ окружающей мѣстности, изучали слабыя и сильныя мѣста предполагаемаго сухопутнаго фронта и на мѣстности рѣшали различнаго рода тактическія задачи.

По мысли полковника Холодовскаго, въ командѣ наблюдателей крѣпостной артиллеріи стали проходить курсъ топографіи и черченія, что дало возможность выработать людей отлично знакомыхъ со съемкой. При планировкѣ потомъ новаго города, большая часть наблюдателей принесла существенную пользу городу, т. к., кромѣ нихъ, не было подготовленныхъ людей по этой части. Только много спустя ихъ замѣнили вновь прибывшіе изъ Россіи, но и послѣ окончанія военной службы эти нижніе чины почти всѣ остались на Квантунѣ, занявъ мѣста десятниковъ, чертежниковъ и пр.

Почти передъ самымъ Рождествомъ пріѣхалъ командующій войсками Приамурскаго округа генералъ Гродековъ, который, ознакомившись съ тѣмъ, что сдѣлалъ небольшой сравнительно гарнизонъ за это короткое время,

высказалъ на парадѣ 24 декабря свое полное удовольствіе, выразившееся потомъ въ приказѣ по округу (куда входила Квантунская область). Для него была произведена стрѣльба съ нѣсколькихъ береговыхъ батарей, и она показала, что наскоро вооруженныя батареи достаточно хорошо выдержали свой экзаменъ.

Наступившій 1899 годъ внесъ много перемѣнъ въ жизнь Квантуна. Въ февралѣ адмиралъ Дубасовъ произвелъ въ таліенванской бухтѣ стрѣльбу съ эскадры по старой береговой китайской ин-шани (близъ утеса Робинзонъ). На эту стрѣльбу были приглашены сухопутные офицеры, совершенно незнакомые ни съ судами ни съ ихъ функціями. Недѣля, проведенная въ судовой обстановкѣ, несомнѣнно принесла свою пользу. Ин-пань была вооружена деревянными пушками и такими же болванками, изображающими орудійную прислугу. Эскадра стрѣляла и съ якоря и на ходу, изъ большихъ и малыхъ орудій; но результатъ былъ довольно грустный: одно орудіе и четыре болванки были сбиты, спереди и сзади ин-пани земля была сильно взрыта снарядами, но сама ин-пань, кромѣ вышесказаннаго, почти не была повреждена. Такой малый % попаданія объясняли различно: одни говорили, что наши морскіе дальномѣры очень неточны; другіе объясняли это качкой (была зыбь); третьи видѣли неуспѣхъ въ чрезмѣрной настильности морскихъ орудій и выгодномъ положеніи ин-пани (на горѣ),—но фактъ остался

фактомъ: стрѣльба на Таліенванскомъ рейдѣ оказалась далеко ниже средней.

Увѣряли, что стрѣльба всѣхъ флотовъ многимъ не отличается отъ этой стрѣльбы. Правда, были и такіе, что оспаривали это положеніе, говоря, что нашъ флотъ мало практикуется, и что хорошая стрѣльба—прямое слѣдствіе практики.

Такъ или иначе, но береговые артилеристы воспрянули духомъ. Вначалѣ ихъ подавляли новѣйшія, усовершенствованныя орудія морской артиллеріи, множество весьма удобныхъ и практичныхъ механизмовъ, сводящихъ работу человѣка къ нулю, но послѣ этой стрѣльбы разговоръ пошелъ иной: «при этакой-то мѣткости еще жить можно».

Во время стоянки на рейдѣ, офицеры съѣзжали въ Таліенванъ, гдѣ была приспособлена фанза, носившая громкое названіе «морского собранія».

Таліенванъ — прескверненькій городишко. Тамъ имѣется желѣзная пристань, одна улица, нѣсколько лавокъ и видъ на самую большую гору области—Сампсонъ. Больше нѣтъ ничего. Побывали на могилѣ недавно застрѣлившагося подпоручика и оставили съ облегченіемъ это грустное мѣсто.

Въ четырехъ верстахъ отъ Таліенвана находится автономный китайскій городокъ Кинчжоу. Онъ какъ-то некстати врѣзался въ наши новыя владѣнія. За его высокими стѣнами все чуждо намъ; тамъ свои власти, несомнѣнно

враждебно противъ насъ настроенныя, тамъ свое управленіе—ямынь, свой судъ, свои войска. И этотъ маленькій городокъ, всего въ квадратную версту, рѣшилъ вести свою линію. Оттуда агитировали противъ русскихъ, туда скрывались преступники. Тамъ игнорировали наши права, и для нихъ мы были только «заморскіе черти». При сборѣ нами податей иногда выходили недоразумѣнія, и всегда въ нихъ былъ замѣшанъ Кинчжоу. Вообще Кинчжоу былъ бѣльмомъ въ нашей области и за время своей автономности игралъ довольно скверную и двусмысленную роль. Лѣтомъ пріѣхалъ командированный военнымъ министромъ инженеръ-полковникъ Величко. Цѣлью его пріѣзда было ознакомленіе съ мѣстностью для выработки плана обороны крѣпости. Послѣ его отъѣзда приходилось слышать, что имъ откинута мысль объ оборонѣ горнаго массива Ляо-тэ-шаня (на западномъ берегу крѣпости П.-Артура); и это ставили ему въ вину. Уже потомъ въ Россіи возражали, что дѣйствительно онъ отказался отъ вооруженія Ляо-тэ-шаня, но Величко былъ не одинъ. Къ его мнѣнію въ Петербургѣ присоединились и другіе инженеры (судили по плану и докладу полк. Величко), находя, что по условіямъ горнаго хребта, его крутости и пр. мы не можемъ вооружить его; равно и противникъ не можетъ воспользоваться имъ для установки своей артиллеріи. Насколько сказанное вѣрно—остается на совѣсти передававшихъ это. Во

всякомъ случаѣ и на западномъ скатѣ и на вершинѣ въ мартѣ 1904 г. стояли батареи, вооруженныя и оборудованныя уже во время войны, что явно доказываетъ возможность пользованія Ляо-тэ-шанемъ.

Съ этого же года введено особое управленіе областью, назначенъ новый главный начальникъ, совмѣщающій въ одномъ лицѣ и командующаго войсками и командующаго флотомъ,—адмиралъ Алексѣевъ.

Съ этого года появилась у насъ первая газета, посвятившая себя нуждамъ этой окраины.

30-го іюня 1899 г. было предоставлено право китайской восточной ж. д. создать въ бухтѣ Викторіи городъ Дальній. Почему въ бухтѣ Викторіи? Почему не въ Артурѣ? Какъ укрѣпятъ новый портъ? Во что онъ обойдется? Всѣ эти вопросы посыпались въ П.-Артурѣ и создали сразу расколъ въ общественномъ мнѣніи. Одни стояли за Дальній въ Таліенванской бухтѣ, другіе за Дальній въ Артурѣ. И противъ того и противъ другого мнѣнія были доводы, но только противъ перваго было больше.

Первое впечатлѣніе, говорятъ, не обманетъ, а оно сразу же указало мѣсто порту въ Голубиной бухтѣ.

По этому пути шли дальше: говорили о каналѣ, который долженъ будетъ соединить западный бассейнъ П.-Артура съ Голубиной бухтой и тѣмъ дать возможность флоту имѣть

лишній выходъ въ море, говорили о бключеніи новаго порта въ раіонъ крѣпости, говорили, что постройка крѣпости и торговаго порта вмѣстѣ будетъ стоить дешевле. Много говорили .. Итакъ, создались два совершенно различные центра, почти не связанные между собой общностью интересовъ. Создался военный Артуръ и денежный Дальній. Эта рознь сразу сказалась и въ кличкѣ, данной новому порту. «Лишній» сталъ извѣстенъ далеко за предѣлами Квантуна, и это прозвище мало сулило пользы новорожденному дѣтищу.

Пришло время, и Дальній отомстилъ жестоко своему конкуренту—Артуру. Это онъ далъ японцамъ удобную базу съ пристанью, кранами, подъѣздными путями, готовыми зданіями, мастерскими, складами и депо. Это онъ подалъ японцамъ мысль послать къ Артуру тяжелыя мортиры; это онъ морилъ голодомъ несчастный гарнизонъ многострадальной крѣпости; наконецъ, это онъ ускорилъ сдачу. И этотъ Дальній, городъ безъ отечества, безъ совѣсти и чести, вывѣсилъ японскіе флаги, когда плѣнный Артуръ покинулъ берега Квантуна, отправляясь въ плѣнъ.

Онъ постоялъ за себя. И трудно было бы въ исторіи найти примѣръ, подобный этому, когда можно было бы больнѣе высѣчь себя, чѣмъ мы сдѣлали, построивъ злосчастный городъ.

Дальній унесъ тѣ милліоны, которые были необходимы въ Артурѣ не для голландскаго

стиля домовъ служащимъ и не для искусственныхъ парковъ и набережныхъ, равно не для эфемерныхъ коммерческихъ оборотовъ, а для возведенія батарей. Онъ отнялъ отъ насъ возможность доказать ту мысль, въ которую мы всѣ вѣрили—въ неопускаемость русскаго флага тамъ, гдѣ онъ разъ поднятъ.

И теперь мало сказать, что Дальній былъ лишнимъ, онъ былъ болѣе этого, онъ былъ вредный.

Онъ предалъ насъ...

Наконецъ, этотъ годъ принесъ съ собой то, что принято называть общественной жизнью.

Оставивъ пока все это, мы перейдемъ къ тому, какъ вырабатывался вопросъ о вооруженіи въ Петербургѣ.

Мы придаемъ этому вопросу огромное значеніе и потому остановимъ именно здѣсь вниманіе нашего читателя.

При работѣ петербургской комиссіи первое, съ чѣмъ пришлось столкнуться, было отсутствіе средствъ. Это было главное, и, благодаря этому, самые лучшіе проекты и начинанія должны были разбиться. Тамъ, гдѣ слѣдовало заложить сильную батарею, приходилось ограничиваться старымъ китайскимъ сооруженіемъ, слегка приспособивъ его. Въ иное мѣсто слѣдовало, быть можетъ, поставить новѣйшія пушки, но призракъ безденежья заставлялъ ограничиться старыми. Число гарнизона приходилось сокращать, оставлять совершенно необороненными многіе важные пункты и т. п.

У непосвященнаго невольно вырывался вопросъ: Господа, вы считаете, что Артуръ это то, къ чему шла такъ долго Россія, это, какъ французъ Марсель Монье назвалъ, «послѣдніе этажи зданія, первый камень котораго былъ заложенъ назадъ тому болѣе двухъ вѣковъ». Господа, мы теперь, затративши много денегъ, много жертвъ и страшно много времени, пришли наконецъ къ «лучезарному» Тихому океану. Неужели теперь мы сожмемся и поставимъ наше новое пріобрѣтеніе на карту всяческой случайности? Не лучше ли было бы намъ, предвидя заранѣе нашу бѣдность, отказаться отъ этого пріобрѣтенія впредь до того момента, когда мы будемъ въ состояніи создать дѣйствительный оплотъ, не боясь затратъ, а пока... пока, ну хоть заняться дѣлами на ближнемъ Востокѣ?..

Понятіе о безденежьи — понятіе относительное. Мужику дорого завести какую-либо сельско-хозяйственную машину. Дорого не потому, что она стоитъ больше того, что дастъ, а дороги для него самыя деньги. Пусть потомъ работа вручную будетъ и хуже и менѣе экономною, но она не потребуетъ сразу большой затраты и поэтому будетъ казаться дешевле. Такъ и тутъ: нѣтъ нужды, что дорого стоящее оборудованіе крѣпости потомъ окупится тѣмъ, что создастъ дѣйствительно твердый оплотъ на такой далекой окраинѣ. Ничего, что подобная крѣпость можетъ сыграть роль «жупела» и, быть можетъ, въ свое время оста-

новить не въ мѣру воинственнаго сосѣда. Это дорого, но если загорится война, въ которую, какъ въ прорву, полетятъ съ лихвой тѣ же милліоны? Недаромъ говорятъ, имѣй мы въ свое время на востокѣ оборудованный Артуръ и достаточные армію и флотъ, войны бы не было, или она имѣла бы другой результатъ. Кто знаетъ?

При осмотрѣ на мѣстѣ вновь занятой крѣпости, совершенно ясно и сознательно пришлось притти къ заключенію о необходимости какъ берегового, такъ и сухопутнаго вооруженія. Даже больше, сухопутье въ Артурѣ являлось своего рода больнымъ мѣстомъ, наиболѣе уязвимой стороной. Вспомнимъ, что даже японцы, рѣшивъ брать Портъ-Артуръ, отлично зная черезъ своихъ шпіоновъ все о крѣпости, тѣмъ не менѣе не рискнули напасть на нее съ моря, а предпочли брать съ суши.

Береговое вооруженіе генераломъ Кононовичемъ было предложено изъ 147 орудій, по проекту полковника Величко изъ 140.

Петербургская комиссія рѣшила на приморскомъ фронтѣ соорудить 22 береговыхъ батареи, всего на 124 орудія.

Предположенія, которыми при этомъ руководствовалась комиссія, заключались въ слѣдующемъ: 1) что непріятельскій флотъ не будетъ форсировать порта; 2) имѣть возможно дальнее обстрѣливаніе впереди лежащаго рейда и 3) что береговая оборона должна быть

самостоятельна, т. е. что она не должна зависѣть отъ нашего флота.

Если считать силу крѣпости по количеству имѣющихся на вооруженіи пушекъ, то, сравнивая число ихъ по плану Кононовича—Величко съ рѣшеніемъ комиссіи, мы увидимъ, что разницы большой между ними нѣтъ, если еще принять во вниманіе, что двѣ фланговыя батареи (Круглая и Соляная), вооруженныя десятью 6 дм./190 пд. пушками, отошли къ сухопутной линіи.

Относительно же сухопутной обороны дѣло обстояло много хуже. Если комиссія допускала, что передъ фронтомъ берега можетъ появиться англійскій флотъ (о японскомъ даже не упоминалось), то кто же рискнетъ атаковать Портъ-Артуръ съ суши, когда за нимъ стоитъ «вся Россія»? И при этомъ еще настоятельнѣе встали вопросы финансовые.

Осмотрѣвъ прилегающія съ тылу крѣпости горы и окружающую мѣстность, генералъ Кононовичъ предложилъ на вооруженіе сухопутья поставить 528 орудій; по проекту же полковника Величко можно было ограничиться 412 орудіями, включая сюда и пулеметы. Это вооруженіе разбивалось на три группы: на вооруженіе батарей и фортовъ внѣшней линіи, на вооруженіе центральной ограды и въ артиллерійскій резервъ.

Нормальная табель сухопутнаго вооруженія выразилась въ 447 орудіяхъ (изъ нихъ 48 пулеметовъ); при этомъ на вооруженіе фортовъ

было назначено 293 орудія и 24 пулемета, на центральную ограду 28 орудій и 24 пулемета и для резерва 78 орудій.

Въ январѣ 1900 г. комиссіи было приказано ограничиться, при составленіи табели вооруженія крѣпости П.-Артуръ, всего двумястами орудіями, включая сюда и резервы; въ виду этого комиссіей стали вырабатываться двѣ табели—одна нормальная на 447 орудій, другая временная. Эта вторая въ окончательномъ результатѣ свелась все-таки на 228 орудій (изъ нихъ 10 орудій фланговыхъ батарей Круглой и Соляной).

Послѣ различнаго рода измѣненій въ 1900 году нормальная табель была выработана и выразилась въ слѣдующемъ *):

А) *Береговой фронтъ* — 22 батареи, всего 124 орудія, изъ нихъ:

10″ пушекъ	10
9″ пушекъ	12
6″ Канэ	20
6″/190 пд. пушекъ	4
батарейныхъ	12
57 м/м береговыхъ	24
11″ мортиръ	10
9″ мортиръ	32
Итого	124

*) Эта табель была подписана 12-ю членами, при участіи покойнаго адмирала Макарова.

Б) Сухопутный фронтъ (внѣшняя ограда, центр. ограда, резервъ и запасъ)—466.

а) Внѣшняя ограда—317 орудій:

6″/190 пд. пушекъ	30
6″/120 пд. пушекъ	18
42‴ пушекъ	10
легкихъ (3,4″) на тумбахъ. .	51
тоже на колесахъ.	100
57м/м капонирныхъ.	84
пулеметовъ на капонирной установкѣ	16
тоже на колесахъ.	8
всего . . .	317 орудій.

б) Центральная ограда—52 орудія:

42‴ пушекъ	4
легкихъ на колесахъ	24
пулеметовъ на колесахъ. . .	24
всего	52 орудія.

в) Резервъ—78 орудій:

6″/120 пд. пушекъ	18
42‴ пушекъ.	12
легкихъ на колесахъ	24
6″ полевыхъ мортиръ	24
всего. . . .	78 орудій.

г) Запасныхъ—19 орудій:

6″/190 пд. пушекъ	3
6″/120 пд. пушекъ	2
42‴ пушекъ.	2
легкихъ на колесахъ	10
6″ полевыхъ мортиръ. . . .	2
всего . . .	19 орудій.

А всего на сухопутный и береговой фронтъ 590 орудій. Что же касается временной табели, то большинство изъ членовъ высказалось за безусловную недостаточность ея, если ее считать за нормальную, и что она можетъ быть принята только какъ временная. Только четыре члена высказались за достаточность вооруженія въ 228 орудій и полагали, что его можно считать нормальнымъ и даже округлить до 200, включивъ сюда пулеметы и резервы.

Тѣмъ не менѣе нормальной табелью она признана не была, а осталась временной.

Мотивы, которыми руководствовались при выработкѣ вооруженія сухопутнаго фронта, были слѣдующіе: 1) постепенная атака крѣпости маловѣроятна, возможна только атака открытой силой; 2) осаждающій выставитъ противъ крѣпости не болѣе 204 пушекъ, при чемъ болѣе 15 см. калибра не будетъ.

Что касается гарнизона крѣпости, то онъ исчислялся для артиллеріи обоихъ фронтовъ въ 5064 человѣка; изъ этого числа для берега

1488 и для сухопутья 3576, что въ общемъ составило около 16 ротъ крѣпостной артиллеріи, исключая пѣхоты и саперъ. По проекту генерала Кононовича, общая цифра доходила до 70.000, но ее рѣшено было сократить и довести до 11.300 человѣкъ. Артиллеріи же крѣпостной имѣлось только 8 ротъ (двѣ еще прибыли въ серединѣ 1900 года).

Къ 1-му января 1902 года на вооруженіи берега имѣлось 104 орудія, на сухопутьи 118 (считая пулеметы и легкія пушки); при чемъ на этомъ послѣднемъ фронтѣ имѣлись почти для всѣхъ орудій лишь только мѣста, орудія же не стояли на веркахъ. Въ одномъ официальномъ донесеніи о состояніи батарей говорилось *): «батареи и укрѣпленія оставались и въ 1901 году еще прежней, временной постройки, съ земляными брустверами и траверсами, обложенными по внутренней крутости земляными мѣшками. И отъ времени и отъ дождя одежда эта подвержена обваламъ... Все же и въ такомъ видѣ батареи приморскаго фронта въ мирное время поддерживаются ремонтомъ и находятся по наружному виду въ удовлетворительномъ состояніи, чего нельзя сказать про батареи сухопутнаго фронта, такъ какъ большинство ихъ находится безъ вооруженія, нѣкоторыя и въ полуразрушенномъ видѣ, и всѣ требуютъ пере-

*) Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету адмирала Алексѣева о состояніи крѣпости П.-Артуръ къ 1 янв. 1902 г.

стройки въ батареи постояннаго типа.. Помѣщенія для боевыхъ комплектовъ блиндажнаго типа... по прочности опасны для взрывовъ отъ непріятельскихъ снарядовъ. Укрытій для прислуги, кромѣ брустверовъ, на батареяхъ нѣтъ»...

Въ послѣдующіе годы батареи берегового фронта частью были отремонтированы, частью перестроены и созданы вновь, сухопутье же такъ и осталось въ положеніи запустѣнія; и къ моменту войны наше слабое мѣсто, кромѣ естественныхъ укрѣпленій—горъ, двухъ-трехъ оконченныхъ батарей и нѣсколькихъ, находящихся «въ работѣ», ничѣмъ не располагало. Но объ этомъ ниже.

Въ августѣ 1899 года Высочайше утверждено было «Временное положеніе объ управленіи Квантунской областью». По этому положенію, вся область (съ островами), за исключеніемъ г. Цзиньчжоу, дѣлилась на 3 участка. Управленіе областью было вручено главному начальнику (онъ же командующій войсками и морскими силами Тихаго океана); въ его вѣдѣніи находились комиссары по частямъ гражданской и финансовой, чиновникъ по дипломатической части. Область состояла въ вѣдѣніи военнаго министерства. Мѣстопребываніемъ управленія области назначенъ гор. П.-Артуръ.

На должность главнаго начальника былъ назначенъ адмиралъ Алексѣевъ, который и прибылъ въ Артуръ 14 декабря того же года.

Новое управленіе областью, дававшее нѣкоторую самостоятельность въ дѣйствіяхъ, сразу благотворно подѣйствовало на общественную и служебную жизнь, т. к. давало возможность многое вырѣшать тутъ же на мѣстѣ, а не посылать за справками въ Хабаровскъ.

Еще до пріѣзда новаго главнаго начальника, командующій эскадрой адмиралъ Дубасовъ получилъ высшее назначеніе въ Россіи и уѣхалъ, отдавъ прощальный приказъ по эскадрѣ, въ которомъ онъ между прочимъ, вспоминая мартъ 1898 г., говорилъ: «быстрое утвержденіе на занятой территоріи и рѣшительная готовность противостоять всякому враждебному посягательству на занятое положеніе дѣйствительно доказали, что эскадра Тихаго океана находилась на безспорно высокомъ уровнѣ боевой правоспособности»... Какъ жестоко ошибался боевой адмиралъ, и повторилъ ли бы онъ эти слова черезъ пять лѣтъ, хотя суда, а пожалуй и люди остались тѣ же?

Появленіе газеты, любезно пригласившей къ сотрудничеству «всѣ интеллигентныя силы новаго русскаго края», несомнѣнно принесло свою долю созидательной пользы, освѣщая многія непонятныя стороны жизни Дальняго Востока, но тѣмъ не менѣе она не могла, по разнымъ причинамъ, освѣщать все. По образцу англійскихъ сэттльментовъ, въ Артурѣ появился кружокъ скакового спорта, который весной и осенью на учебномъ плацу (казачье,

Суворовское поле) устраивалъ рядъ скачекъ. Затѣмъ народился рядъ обществъ, какъ напримѣръ: спасанія на водахъ, медицинское, ботаническое и т. п. Въ мѣстномъ театрѣ устраивались любительскіе спектакли, а потомъ стали наѣзжать и труппы. Вообще Артуръ принялъ настоящій видъ города и за два-три года изъ китайскаго грязнаго уголка далеко опередилъ своихъ русскихъ собратій.

Въ городѣ появились иностранныя фирмы и конторы, пооткрывались различнаго рода магазины, появилась особая дѣловая жизнь на улицахъ, встрѣчаемая въ заграничныхъ портахъ, наконецъ появились школы, эти якоря для русскаго человѣка,—и жизнь пошла полнымъ темпомъ. А тутъ народился вопросъ о Новомъ городѣ, началась продажа участковъ, лихорадочная постройка домовъ; потомъ учрежденіе намѣстничества...

Эта общая дѣятельность увлекала болѣе лѣнивыхъ и заставляла и ихъ примкнуть къ общей работѣ.

Тутъ былъ благодарный трудъ, т. к. каждый видѣлъ воочію плоды рукъ своихъ. Это придавало энергіи.

Пока на Квантунѣ шла созидательная работа, въ самомъ Китаѣ то тамъ, то тутъ вспыхивали волненія. Самый народъ былъ недоволенъ занятіемъ европейцами части своей территоріи и проведеніемъ желѣзнодорожныхъ путей, благодаря чему, естественно, сокращались мѣстные извозные промыслы.

Недовольство передавалось и въ столицу имперіи—Пекинъ, куда изъ Артура, для охраны нашей миссіи, посылались небольшіе отряды. Но въ маѣ 1900 г. возстаніе охватило огромную площадь и соединилось подъ флагомъ общества И-хе-туань (боксеры), девизомъ котораго было «поддержаніе династіи и истребленіе иностранцевъ». Наши интересы въ Китаѣ были самые незначительные. Кромѣ пекинской миссіи да очень небольшого количества торговыхъ фирмъ, у насъ не было больше нуждающихся въ защитѣ подданныхъ. Говорятъ, что даже въ то время въ Петербургѣ были голоса, которые уговаривали не посылать въ Печили русскаго десанта, а ограничиться отзывомъ изъ Пекина нашей миссіи. Основаніемъ такого предложенія являлось убѣжденіе, что Китай, исконный нашъ сосѣдъ, лично противъ насъ ничего на имѣетъ; посылкой же русскихъ штыковъ мы, играя въ руку иностранцамъ и создавая среди этихъ послѣднихъ платоническихъ себѣ друзей, можемъ подорвать истинную дружбу въ лицѣ вѣкового сосѣда. Такъ думалъ, между прочимъ, одинъ изъ выдающихся нашихъ дѣятелей, въ свое время игравшій роль въ качествѣ посланника Поднебесной имперіи. Но мы рѣшили иначе и, идя въ ногу съ иностранными державами, послали первый отрядъ изъ 12-го в.-с. стрѣлковаго полка, казаковъ и полевой полубатареи. Отрядъ этотъ на судахъ нашей Тихоокеанской эскадры былъ доставленъ на рейдъ кр. Таку и дви-

нулся на Тяньцзинь. 4-го іюня произошелъ извѣстный бой подъ Таку и такъ называемый походъ въ Китай сталъ разыгрываться, какъ по нотамъ Вскорѣ изъ Артура выслали 9-ый полкъ и батарею, тамъ еще полкъ, еще батарею, и въ концѣ концовъ крѣпость Портъ-Артуръ совершенно осталась безъ гарнизона, обязанности котораго всецѣло перешли къ шести ротамъ крѣпостной артиллеріи. Потомъ ужъ изъ Приамурья пароходы привезли войска, но это уже было тогда, когда сфера военныхъ дѣйствій достаточно выяснилась.

Только тутъ, въ это тяжелое для Артура время, выяснилось значеніе Кинчжоу, какъ заслона; и поэтому, опасаясь только китайской сухопутной силы, въ началѣ іюня было приказано двумъ ротамъ крѣпостной артиллеріи занять Кинчжоускую позицію и вооружить ее артиллеріей, взятой изъ Артура.

Значеніе этой позиціи было достаточно оцѣнено въ Артурѣ, и ей придавали огромное значеніе. Тутъ впервые проникла въ сознаніе частныхъ лицъ эта потомъ такъ раздуваемая неприступность ея; и при всей неподготовленности по части военныхъ сужденій этихъ послѣднихъ, здравый смыслъ подсказывалъ, что небольшой фронтъ и обезпеченные фланги это факторы обороны, не часто встрѣчаемые. Что дѣйствительно ли фланги такъ ужъ обезпечены, объ этомъ горожане не знали, но знали ли объ этомъ войска, которыя пришли

оборонять ее? Можно даже думать, что увѣренность въ невозможности обхода ея и подхода къ нимъ военныхъ судовъ, окрѣпши въ 1900 г., оставила въ пріятномъ невѣдѣніи даже и войска, оборонявшія эту несчастную позицію 13 мая 1904 г.

Артиллерійскія роты, прибывъ на позицію и устроившись, приступили къ вооруженію. Приходилось по ряду холмовъ, составляющихъ собственно эту позицію, проводить дороги и телефоны, строить батареи и пороховые погреба, настилать для осадныхъ пушекъ платформы и, наконецъ, привезти и поставить самыя пушки. Въ этой работѣ сначала помогала рота 11-го полка, а потомъ, послѣ ея ухода на сѣверъ, прибывшій саперный баталіонъ, подъ командой полковника Третьякова, которому, по странной случайности, въ 1904 г. пришлось оборонять ее же.

Цѣлый мѣсяцъ безпрерывнаго труда, при условіи, что за каждымъ гвоздикомъ надо было ѣхать въ Артуръ, создали оборудованный боевой фронтъ, при 15-ти артиллерійскихъ батареяхъ и достаточномъ количествѣ пѣхотныхъ окоповъ. На вооруженіи стояло до 100 орудій различныхъ калибровъ, среди которыхъ наибольшимъ было шестидюймовое стараго образца. Увѣренность въ невозможности обстрѣла фланга съ моря поставила на нихъ полевые калибры.

14-го іюля безкровно и безъ выстрѣла былъ занятъ автономный городъ Цзиньчжоу. Такимъ

образомъ, вооруженная позиція своимъ видомъ внушила страхъ китайскимъ властямъ и помогла избѣжать кровопролитія. «Русскіе пришли, писалъ кинчжоускій фудутунъ Фу (Янь-Фушенъ) мукденскому цзянь-цзюню, и что-то дѣлаютъ на холмахъ позади города. Народъ они хитрый. Что намъ дѣлать?» Но истинный сынъ Небесной Имперіи цзянь-цзюнь таинственно молчалъ, выжидая событій. Напрасно летали гонцы изъ Цзиньчжоу въ Мукденъ— отвѣта получено не было; и русская пѣхота захватила власти автономнаго города тогда, когда въ ямыни онѣ рѣшили додуматься сами, что имъ дѣлать. Власти были въ качествѣ военно-плѣнныхъ отправлены въ Артуръ, и въ Кинчжоу введено общее для области военно-народное управленіе. Въ это же время въ Артурѣ формировался осадный паркъ для отправки на театръ военныхъ дѣйствій въ Печили; и въ первую голову ушла полевая мортирная (6 дм.) батарея, вскорѣ за ней ушла пушечная 6 дм./120 пд. батарея; и командованіе паркомъ вручено крѣпостной артиллеріи подполковнику И. А. Тахателову.

Въ Тонгку къ парку присоединились еще двѣ батареи, вооруженныя взятыми изъ Тяньцзинскаго арсенала 87 м/м. осадными патронными пушками, приведенными въ должный боевой видъ крѣпостной артиллеріей.

5-го сентября наша осадная артиллерія, выдѣленная изъ крѣпости совмѣстно съ нѣмецкой батареей, подошла къ крѣпости Бей-

танъ и съ разсвѣтомъ 6-го открыла огонь. Въ тотъ же день Бейтанъ палъ, и вскорѣ батареи были возвращены домой.

Занятая крѣпость состояла изъ 5 отдѣльныхъ фортовъ, при чемъ только на одномъ первомъ развѣвались русскіе, нѣмецкіе и австрійскіе флаги, остальные же форты всецѣло перешли въ наше вѣдѣніе.

Бейтанъ былъ вооруженъ самыми разнообразными пушками, при чемъ одни и тѣ же образцы не были часто сведены въ батареи и чередовались по одному орудію. Такъ. рядомъ съ 24 см. пушкой Круппа обр. 1894 г. стояла на вооруженіи мелкая горная пушка. Это большое орудіе находилось на форту № 1 и, какъ разсказываютъ, было занято нами слѣдующимъ образомъ: когда наша пѣхота ворвалась на фортъ, то онъ уже оказался пустымъ. Одинъ изъ стрѣлковъ, увидя эту громадину и зная, что тутъ же находятся иностранныя войска, быстро вскочилъ верхомъ на нее и, за неимѣніемъ національнаго флага, прицѣпилъ къ штыку свой погонъ. «Эта ужъ будетъ наша», закричалъ онъ своимъ.

Это орудіе дѣйствительно осталось за нами.

Потомъ изъ Артура прибыла учебная команда крѣпостной артиллеріи, подъ командой штабсъ-капитана Н. А. Высокихъ 1-го, которой было поручено снять съ вооруженія китайскихъ фортовъ всѣ лучшія орудія, боевой комплектъ и всѣ части къ нимъ, для отправки на Квантунъ.

Работа эта была закончена къ серединѣ ноября, и потомъ въ Артуръ прибыли:

24 см. пушка Круппа .	1
21 см.	2
12 см.	2
15 см.	2
15 см. Армстронга . .	1

Кромѣ того, было доставлено нѣсколько крупныхъ орудій изъ крѣпости Таку и изъ Тяньцзиня большое количество полевой (75 м/м и 87 м/м) артиллеріи завода Круппа.

Кромѣ того, въ Бейтанѣ были взяты въ видѣ учебнаго пособія модели изъ краснаго дерева орудійныхъ замковъ, которыя въ значительной степени облегчили прохожденіе курса артиллеріи въ учебныхъ командахъ.

На южно-маньчжурскомъ театрѣ войны изъ состава крѣпостной артиллеріи выдѣлили взятыя въ тяньцзинскомъ арсеналѣ полевыя скорострѣльныя 57м/м пушки, соорудили запряжку, посадили крѣпостныхъ канонировъ на лошадей, въ качествѣ ѣздовыхъ и уносныхъ фейерверкеровъ, и эта батарея, отправленная вначалѣ въ Шанхай-гуань, чуть ли не два года колесила въ составѣ различныхъ отрядовъ необъятную Маньчжурію. Кромѣ того, крѣпостная артиллерія дала личный составъ для настѣнной артиллеріи г. Мукдена.

Въ концѣ августа 1900 г. было приказано разоружить кинчжоускую позицію, при чемъ

всю артиллерію перевезти обратно въ Артуръ.

Говорятъ, что причиной этому было то, что оборудованной на спѣхъ позиціи въ Петербургѣ не давали никакой цѣны. Носились слухи, что она будетъ капитально перестроена, и на флангахъ будутъ устроены береговыя батареи, вооруженныя снятыми съ китайскихъ крѣпостей береговыми пушками. Снова начали работу, и къ осени позиція оголилась.

Время и дожди, размывъ бруствера, разорвавъ мѣшки внутреннихъ крутостей и траверсовъ, заваливъ пороховые погреба, привели кинчжоускую позицію въ самый жалкій видъ.

Ключъ Квантуна заржавѣлъ. и дверь его открылась настежь.

Капитанъ генеральнаго штаба Илинскій, посѣтившій Квантунъ при самомъ его занятіи и потомъ служившій тамъ, особенно напиралъ на кинчжоускую позицію, онъ писалъ *): «Нангалинская плоская возвышенность, протягивающаяся между берегами Цзиньчжоуской и Далянванской бухтъ, образуетъ идеальную позицію, запирающую входъ на Квантунъ, отличный ближній и дальній обстрѣлы во всѣ стороны; фланги ея совершенно обез-

*) См. «Памятная записка о Квантунѣ», помѣщенная въ «Свѣдѣніяхъ о Ляодунскомъ и Квантунскомъ полуостровахъ».

печены бухтами... позиція безусловно можетъ быть признана идеальной»...

Если вопросы о другихъ позиціяхъ Квантуна не были достаточно выяснены, то позиція у Цзиньчжоу остановила вниманіе всѣхъ военныхъ людей, побывавшихъ на ней. О ней много говорили и писали, а поэтому не мудрено, что ее считали и въ Россіи неприступной. Если нѣкоторые пункты этихъ сужденій о позиціи и не отвѣчали дѣйствительности, то все-таки оставалось главное безъ возраженій—это значеніе и необходимость занятія ея прочно.

Былъ даже проектъ создать крѣпость Таліенванъ-Цзиньчжоу, отбросивъ П.-Артуръ *).

Конецъ 1900 года и начало 1901 г. ознаменовалось подвозомъ изъ Маньчжуріи и Печили военной добычи. Везли пушки, транспорты со снарядами, тысячи пудовъ различнаго пороха, желѣзо, сталь, машины, ружья, патроны, уголь.

Многое было совершенно негодно въ дѣло и частью представляло интересъ, какъ музейное имущество (которое и было потомъ отвезено въ спб. артиллерійскій музей), частью же могло итти на продажу, какъ ломъ металла.

Въ числѣ трофеевъ, кромѣ вышесказаннаго взятаго изъ Бейтана, находилось:

*) Если не ошибаемся, проектъ этотъ былъ представленъ однимъ изъ слушателей инженерной академіи.

57 м/м полевыхъ скорострѣльныхъ пушекъ 8
87 м/м осадныхъ патронныхъ . 12
87 м/м полевыхъ около . . . 25
75 м/м полевыхъ около . . . 30
Нѣсколько 47 м/м, 37 м/м, 53 м/м
21 см. Крупна стараго образца 1

Много съ дула заряжаемыхъ старыхъ, какъ бронзовыхъ, такъ и чугунныхъ.

Не ко всѣмъ, правда, орудіямъ былъ достаточный комплектъ снарядовъ, но ихъ предполагалось заказать за границей. Всѣ недостающія части къ орудіямъ были додѣланы, и такимъ образомъ мы получили значительный кадръ орудій, могущихъ итти при случаѣ въ дѣло.

Было, правда, много снарядовъ, къ которымъ не было пушекъ, и они только загромождали склады и составляли лишнюю обузу для чиновъ, ведущихъ отчетность. Порохъ тоже могъ пригодиться для зарядовъ и различнаго рода фугасовъ. Что касается станковъ, то они въ огромномъ большинствѣ, по приведеніи ихъ въ порядокъ, что было не такъ ужъ трудно, пошли въ разныя казенныя мастерскія. Такъ, инженерная мастерская артиллерійскаго городка была оборудована почти сплошь этими станками. Нѣсколько такихъ станковъ было въ мастерской крѣпостной артиллеріи и порту. Матеріалы, какъ желѣзо, сталь, мѣдь, дерево—тоже были переданы ча-

стью въ портъ, частью въ инженерное и другія вѣдомства и, такимъ образомъ, сыграли значительную роль въ созиданіи крѣпости и порта.

Кромѣ всего этого, тихоокеанскому флоту достался китайскій минный крейсеръ, названный въ память убитаго при Таку морского офицера «Лейтенантъ Бураковъ». Крейсеръ этотъ, обладая отличнымъ ходомъ, былъ украшеніемъ эскадры и часто въ кампанію 1904 г. исполнялъ, прорывая блокаду, рискованныя поѣздки въ Инкоу, пока случайно не былъ взорванъ японцами въ бухтѣ Тахэ ночью 12 іюля 1904 г.

Еще до китайскихъ безпорядковъ обязанности коменданта крѣпости были возложены на начальника 3-ей восточно-сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіора А. М. Стесселя, который съ нѣкоторымъ перерывомъ (лѣто 1900 года) несъ ихъ до 1903 г., когда его смѣнилъ вначалѣ генералъ Капталинскій, а потомъ, послѣ его ухода на р. Ялу, назначенный Высочайшимъ приказомъ генералъ-лейтенантъ Смирновъ.

Трудно сказать, въ чемъ выражалась дѣятельность перваго коменданта совершенно неготовой крѣпости, и сколько онъ приложилъ своего къ созиданію русской твердыни. Быть можетъ, и его соображеніями главнымъ образомъ руководилъ вопросъ экономическій; одно только ясно, что каждый годъ генералъ Стессель являлся главнымъ руководителемъ крѣ-

постныхъ маневровъ, въ которые входили войска всего гарнизона Квантуна; а потому вдвойнѣ жаль, что эти войска, во всякомъ случаѣ отлично знающія мѣстность, ушли въ январѣ 1904 г. на совершенно невѣдомые для нихъ берега р. Ялу, гдѣ и проявили чудеса храбрости; а крѣпость была снабжена присланными изъ Россіи полками, собранными изъ различныхъ частей и совершенно незнакомыми ни съ населеніемъ ни съ условіями Квантуна.

Такъ эти маневры и пропали даромъ, не принеся той пользы, которую въ правѣ можно было ожидать.

Мы всѣ привыкли смотрѣть на полки третьей бригады, какъ на полки опытные и боевые, мы сроднились съ ними, и мы съ грустью разстались...

Они бодро ушли на сѣверъ и тамъ также бодро ходили въ атаки на всегда сильнѣйшаго противника...

Чтобы кончить разговоръ о крѣпости, слѣдуетъ упомянуть о центральной крѣпостной оградѣ. Эта ограда состояла изъ насыпаннаго вала значительной вышины и толщины съ наружнымъ глубокимъ и отвѣсно спускающимся рвомъ, мѣстами стѣнки котораго были одѣты камнемъ.

Эта ограда въ исходящихъ углахъ образовала опорные пункты въ видѣ редутовъ и шла отъ берега моря близъ батареи Плоскаго мыса (№ 18), огибала казармы въ восточной

части города, пересѣкала Мандаринскую дорогу, шла по склону Перепелочной горы и на ней же заканчивалась.

Цѣль вообще подобныхъ оградъ—предохранить такъ называемое ядро крѣпости отъ случайнаго прорыва непріятеля и не дать ему возможности атаковать форты съ тылу, кромѣ того, служить также, какъ и вторая позиція послѣ взятія фортовъ, на которой слѣдуетъ еще обороняться.

Въ виду этого подобныя ограды, какъ требующія значительныхъ работъ, возводятся еще въ мирное время и требуютъ довольно большихъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе считается, что главными опорными пунктами остаются все-таки форты; поэтому главную массу денежныхъ и иныхъ средствъ отдаютъ этимъ послѣднимъ. Но тѣмъ не менѣе центральная ограда должна быть настолько сильна, чтобы, какъ говоритъ профес. Буйницкій, «была способна отразить атаку открытою силой, веденную большимъ количествомъ войскъ противника, и впослѣдствіи, съ паденіемъ фортовъ, оказать еще сопротивленіе постепенной атакѣ въ большей степени, чѣмъ этого можно требовать отъ наскоро созданной тыловой позиціи полевого характера».

Если мы взглянемъ на карту Артура, то увидимъ, что впереди этой ограды находятся на разстояніи $1^1/_2 — 4$ верстъ значительно превышающія ее возвышенности; такимъ образомъ, серіозно отнестись къ тому, что на эту

ограду можетъ быть возложена роль слѣдующей послѣ фортовъ позиціи — нельзя. Не только мѣстность непосредственно у бруствера ограды, но даже и самые банкеты могутъ быть отлично обстрѣляны ружейнымъ огнемъ. Противникъ, овладѣвъ, напримѣръ, Скалистымъ кряжемъ, Большой горой и др., можетъ, видя все передъ собой, какъ на ладони, бить на выборъ. Конечно, при условіи непремѣнной необходимости, можно и за нею драться, но вѣдь и безъ нея тогда можно обойтись, и въ этомъ отношеніи простой окопъ или складка мѣстности будетъ, право, не хуже. Но полагаю, что эту роль оградѣ и не предназначали. Насколько говорили правду въ Артурѣ, назначеніе нашей центральной ограды все сводилось къ обезопасенью себя только отъ прорыва; но если бы прорывъ произошелъ черезъ первую линію, то на высотахъ Большой горы, Отрожной и другихъ имѣлись и отдѣльныя батареи и пѣхотные окопы, которые и могли бы сыграть роль при отраженіи не въ мѣру зарвавшагося противника. Мнѣ могутъ возразить, что позиціи такъ называемой второй линіи создались только во время войны, но вѣдь и первая-то линія, во-первыхъ, безъ малаго создалась тоже во время войны, а во-вторыхъ, можно было бы создать ее и раньше. А различные овраги, горы, горки и пр. развѣ не достаточно служили препятствіемъ прорыву?

Паденіемъ же фортовъ первой линіи завершилась артурская эпопея.

Говорили, что созданіе нашей центральной ограды было, такъ сказать, данью шаблону.

Въ концѣ осады, видимо, большинство прониклось этимъ, т. к. постепенно орудія, назначенныя для отраженія случайнаго прорыва, перетаскивали впередъ на дѣйствительную позицію, гдѣ уже шелъ бой, и куда уже ушла часть артиллеріи съ нашихъ военныхъ судовъ.

Въ такомъ примѣрно видѣ засталъ крѣпость пріѣхавшій на Квантунъ въ 1903 году военный министръ генералъ Куропаткинъ. На пріѣздъ генерала возлагались большія надежды. За нимъ былъ боевой опытъ, министерскій постъ, добытый, какъ говорили, собственнымъ трудомъ, и обаяніе скобелевскихъ побѣдъ

Предварительная поѣздка генерала въ Японію ставилась ему въ особую заслугу; считалось, что она предпринята не зря, и что министръ лично увидитъ тамъ то, что, несомнѣнно, пригодится намъ на случай войны (если только она будетъ).

Съ его пріѣздомъ жизнь забила ускореннымъ темпомъ. Объѣзды батарей и окрестностей смѣнялись парадами, смотрами и обѣдами. Передъ министромъ раскинули картину прежняго и новаго Артура, погрузили его воображеніе въ даль будущаго, и, видимо, все это произвело на него хорошее впечатлѣніе. На обѣдѣ въ городскомъ саду Новаго города, послѣ рѣчи

предсѣдателя городского совѣта, генералъ высказалъ свои мысли по поводу видѣннаго. Въ этой длинной рѣчи генералъ Куропаткинъ, назвавъ адмирала Алексѣева добрымъ геніемъ Портъ-Артура, высказалъ увѣренность, что теперешнее состояніе Артура ставитъ его на положеніе неприступной твердыни, на которой мы будемъ стоять твердо.

Вѣрилъ ли генералъ самъ въ то, что говорилъ.—сказать трудно, но результатомъ его поѣздки была присылка въ Артуръ минной роты, четырехъ ротъ крѣпостной артиллеріи и крѣпостныхъ жандармовъ. Намѣчалось и многое другое, въ родѣ крѣпостной военно-голубиной почты, но война прекратила тѣ благія начинанія, которыя не могли выполнить пять ушедшихъ лѣтъ.

Уѣхалъ министръ, и снова потянулась квантунская жизнь съ разговорами о возможной войнѣ и нашей готовности на театрѣ ея.

Вскорѣ адмиралъ Алексѣевъ былъ назначенъ намѣстникомъ Д. Востока и, въ качествѣ такового, 28-го сентября на Суворовскомъ плацу (Казачій плацъ, учебное поле) произвелъ войскамъ области парадъ. Парадъ былъ «en grand». Смотрѣть его собрался чуть ли не весь городъ. Была масса иностранцевъ (въ томъ числѣ и японцевъ). Говорились рѣчи, кричали «ура»...

Газеты описывали этотъ парадъ и придавали ему особенное успокоивающее значеніе

на встревоженные умы*). Цифра парадирующихъ войскъ была раздута, и въ статьяхъ газеты «Новый Край» стала проскальзывать тенденція «бряцанія оружіемъ». Этимъ парадомъ передъ лицомъ Японіи какъ бы хотѣли подчеркнуть готовность нашихъ сухопутныхъ силъ.

Морскія же силы были осмотрѣны еще 4-го іюня, въ день годовщины Таку. На рейдѣ находилось 36 вымпеловъ, при командѣ свыше 10.000 человѣкъ**). И этотъ морской парадъ былъ также обставленъ извѣстной помпой. По завѣренію адмирала Алексѣева, флотъ былъ тоже готовъ, «если обстоятельства того потребуютъ», поддержать честь родины.

Вскорѣ задули вѣтры, временами переходя въ пургу; и наступила квантунская осень-зима, пріостановивъ наполовину работы по оборудованію крѣпости. Съ этими вѣтрами съ востока донеслись какіе-то слухи, болѣе уже устойчивые, о возможной войнѣ.

О войнѣ уже говорили открыто. Кое-кто отправилъ свои семьи въ Россію. Военныя суда перекрасились изъ бѣлаго въ мрачный черно-стальной боевой цвѣтъ. И надъ Портъ-Артуромъ повисла пелена неопредѣленныхъ слуховъ, сплетенъ, предположеній и опасеній.

Выше мы упомянули, что для обороны

---

*) См. телеграмму въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 213, 1903 г.

**) См. «Р. Инвалидъ» 1903 г., № 142.

крѣпости пришлось снять часть судовой артиллеріи, теперь хотѣлось бы высказать нѣсколько соображеній по поводу того, слѣдовало ли брать эту артиллерію и этимъ ослаблять правоспособность нашего флота? Казалось, что крѣпость имѣла главной цѣлью служить для флота его базой, охранять его и укрывать въ своихъ бухтахъ; вышло же, будто флотъ охранялъ крѣпость, ослабляя себя и командами и орудіями.

Мы, по крайнему своему разумѣнію, считали и считаемъ всю силу флота въ его способности быстро мѣнять свои мѣста, неожиданно обрушиваться тамъ, гдѣ его не ждали, сдѣлать нѣсколько наѣздовъ тутъ, перенестись дальше, показаться тамъ и своей быстротой мѣшать противнику въ выполненіи его важнѣйшихъ операцій, какъ-то: высадкѣ войскъ, перевозкѣ различныхъ грузовъ; и, наконецъ, какъ въ данную войну, имѣть право считать себя хозяевами на морѣ.

Для такого флота, конечно, нужны опорные пункты, гдѣ бы онъ могъ запасаться всѣмъ необходимымъ и могъ чиниться. И вотъ мы считали, что эта-то база и есть Артуръ. Понятно, что этотъ послѣдній долженъ снабжать флотъ, но отнюдь ничего не могъ брать у него, а тѣмъ болѣе привязывать его къ себѣ. И если мы имѣли въ 1854 г. обратное въ Севастополѣ, то тамъ нашъ флотъ былъ настолько слабъ, что заранѣе обрекъ себя на гибель, усиливъ собой крѣпость; и врядъ ли даже, если бы онъ

вышелъ и далъ сраженіе соединеннымъ эскадрамъ, было бы лучше. За Севастополемъ дѣйствительно стояла Россія непосредственно, и шансы на нашъ успѣхъ все-таки были; въ Артурѣ же между Квантуномъ и метрополіей въ видѣ буфера лежала незнакомая намъ Маньчжурія. И здѣсь наиболѣе нуженъ былъ намъ активный флотъ, какимъ мы привыкли считать нашъ.

И если бы насъ спросили, чего мы въ Артурѣ ждемъ отъ флота и какія задачи возлагаемъ на него, то отвѣтъ всегда получился бы приблизительно слѣдующій: 1) флотъ нашъ не допуститъ высадки; 2) флотъ нашъ побѣдитъ противника; 3) флотъ нашъ будетъ господиномъ моря; 4) флотъ нашъ разовьетъ крейсерскую войну, и 5) флотъ нашъ будетъ угрожать берегамъ противника. Во всѣхъ случаяхъ мы, квантунцы, разумѣли противникомъ только Японію.

На вопросъ въ началѣ января 1904 г. корреспонденту «Русскаго Слова», присланному газетой въ Артуръ, въ виду тревожнаго политическаго момента, какъ, по его мнѣнію, разыграется возможная война, онъ отвѣтилъ: «Вначалѣ очень возможно, что японцы утопятъ или подорвутъ одинъ или два нашихъ броненосца, но потомъ мы разсердимся и побьемъ ихъ». И такъ, примѣрно, думали всѣ. И нельзя винить нашихъ работниковъ пера въ извѣстной легкомысленной хвастливости. Они отражали современную имъ жизнь и шли

вровень съ обществомъ, а общество думало такъ.

Да и откуда общество могло думать иначе? Какую литературу мы имѣли о нашемъ Д. Востокѣ и о Квантунѣ въ частности?

Я откидываю то, что печаталось въ періодической прессѣ. Статьи тамъ были иногда и содержательными, но ихъ было мало. Капитальныхъ же трудовъ было еще меньше.

Я не ошибусь сильно, если укажу брошюрку «Ляодунъ и его порты» Котвича и Бродовскаго, Россова—«Русскій китай», Янчевецкаго—«У стѣнъ недвижнаго Китая», Поздѣева—«Маньчжурія», нѣсколько переводовъ; кажется, все. Это все, что было дано на общій книжный рынокъ. Но, кромѣ этого, въ военномъ министерствѣ находились отличныя работы по вопросамъ Д. Востока, но онѣ, къ сожалѣнію, имѣли на заглавныхъ листахъ отпечатанныя слова и фразы, въ родѣ: «секретно», «не подлежитъ оглашенію». Эти сочиненія въ руки общества не попадали и находили пріютъ въ т. называемыхъ «секретныхъ» шкафахъ различнаго рода управленій и канцелярій. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть: Самойлова «Описаніе занятой нами территоріи на Ляодунскомъ полуостровѣ», Хвостова «Описаніе Мукденской провинціи», Циховича «Военный обзоръ сѣверной Маньчжуріи», «Сборникъ матеріаловъ по Азіи», «Добавленіе къ сборнику матеріаловъ по Азіи», «Описаніе пограничной по-

лосы владѣній Россіи на Ляодунскомъ полуостровѣ» и др.

Къ сожалѣнію, даже военный элементъ этими сочиненіями не пользовался, т. к. они считались секретными, и труды эти, часто написанные, несомнѣнно, съ полной добросовѣстностью, такъ и остались украшеніемъ полокъ и не видали читателей. Потомъ въ продажѣ я видалъ трудъ Хвостова, но это было въ 1905 году и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мукденскаго боя. И можно смѣло утверждать, что участникамъ его не было дано своевременно ознакомиться съ описаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ потомъ пришлось сражаться.

Вся военная литература о краѣ, незнакомъ для насъ, осталась для военныхъ закрытой книгой. И мы начали и вели войну въ темную.

Въ заключеніе своего интереснаго труда «Описаніе Ляодунскаго полуострова» капитанъ генер. штаба Самойловъ указывалъ, что «на укрѣпленіе занятой территоріи должно обратить главное вниманіе, не жалѣя на это средствъ и усилій». Онъ указываетъ, какъ великъ долженъ быть гарнизонъ Квантуна *). Онъ указываетъ на важное значеніе позиціи у Кинчжоу, на позиціи между этой послѣдней

*) «Не менѣе трехъ крѣпостныхъ полковъ, съ надлежащимъ числомъ орудій, 2—$1^1/_2$ стрѣлковыхъ бригады съ достаточной артиллеріей и не менѣе 6 сотенъ конницы».

и крѣпостью П.-Артуръ; и онъ вѣритъ, что, организовавъ такъ, «можно спокойно ожидать непріятеля, откуда бы онъ ни появился»...

Будучи потомъ военнымъ агентомъ въ Японіи (передъ самой войной; трудъ же его былъ изданъ въ 1899 г.), онъ писалъ оттуда, что страна эта усиленно готовится къ войнѣ, потомъ, что она формируетъ новыя дивизіи и, наконецъ, что она готова. И «она» ударила. Если раньше мы «не знали», то теперь вѣрнѣе было бы сказать — они знали, но они не вѣрили. Этими «они» были мы—русскіе.

Ни Ляоянъ ни Шахэ и Артуръ насъ не разувѣрили; и только послѣ Мукдена, а вѣрнѣе послѣ Цусимы и Портсмута мы наконецъ повѣрили, что война проиграна, и мы должны отступить окончательно. Не то жаль, что мы спасовали передъ маленькимъ народомъ, и не то, что русская мощь сломилась объ японское упорство, а стыдно за наши громкія слова, наше бахвальство и легкомысліе. Жаль пропавшаго престижа, добытаго вѣковымъ трудомъ ума и воли. Его жаль...

А какъ вѣрили мы въ себя!..

Въ декабрѣ 1903 г. въ П.-Артуръ пріѣхали корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ. И все замерло въ томительномъ ожиданіи чего-то могущественнаго, но страшнаго и неопредѣленнаго.

Люди жили, мало задумываясь надъ тѣмъ, дѣйствительно ли принесетъ новый, високосный, годъ счастье. И этотъ годъ пришелъ...

Д-тъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Фундаментальная библиотека К. Т. В.
ПОГАШЕНО

2p.

~~28~~
22
36
50
58
66
72
74
87
86
88
90
96

КОПИРОВАНИЕ